



ОДНА НОЧЬ

*и
ничего больше*♥

ЮЛИЯ НЕЙЕР

Юлия Нейер

Одна ночь и ничего больше

«Литнет»

2026

Нейер Ю.

Одна ночь и ничего больше / Ю. Нейер — «Литнет», 2026

— Ты что говоришь? — пинаю его ногой. Он разворачивается ко мне с невинной улыбкой. Такой, что в пору рисовать нимб. Ангел. Голубые глаза — свет, добро, минет и благотворительность. И произносит на одном дыхании: — Девчонкам нужен ликбез, мужикам хороший секс. Я спасаю семьи... Закрываю лицо руками, чтобы не рассмеяться в голос. Ну разве так можно. Ну как так можно? Быть абсолютно бессовестным — и при этом чертовски охеренным... Что в книге: ✓ бывшие одноклассники восемь лет спустя; ✓ герой с чувством юмора и скелетом в шкафу; ✓ психотерапевт, которая может разобраться с кем угодно... кроме него; ✓ флирт, от которого подгибаются колени; ✓ фитнес-клуб, бассейн и очень жарко; ✓ и двое, которых упрямо тянет друг к другу. ♥ #Однотомник 18+. С обязательным ХЭ. Но нервишки пощекочем.

© Нейер Ю., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	12
Глава 4	15
Глава 5	17
Глава 6	20
Глава 7	25
Визуалы № 1	28
Глава 8	36
Глава 9	42
Глава 10	45
Глава 11	49
Глава 12	53
Глава 13	56
Глава 14	60
Глава 15	64
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Пролог

Pov Сандра

— Алекс Самойлов, - протягивает мне руку в знак знакомства.

Взгляд совершенно бессовестно скользит по моим губам, шее, декольте.

Ну да.

Именно так.

Мужчина, из-за которого я когда-то рыдала в подушку, сейчас самым наглым образом пытается со мной познакомиться.

Серьёзно?

Вот так просто?

Оказывается восемь лет, достаточно, чтобы он забыл тебя. Но катастрофически мало, чтобы ты забыла его.

Потрясающе.

Я столько раз представляла нашу встречу.

Он меня увидит.

Замрёт.

Узнает.

Поймёт, что был идиотом.

Я скажу что-нибудь убийственно красивое.

Развернусь.

Уйду.

Он останется стоять с разбитым сердцем.

Ну, знаете...

Классическая сцена женского триумфа.

Та самая, которую потом мысленно пересматриваешь перед сном.

А по факту...

Стою.

Молчу.

И чувствую себя единственной идиоткой в этом помещении.

Потому что главный мерзавец моей юности даже не помнит, что когда-то пропустил моё сердце через мясорубку.

— Очень приятно, — говорит с улыбкой.

Ослепительной. Дерзкой. Смотрю на него и не могу оторвать взгляд.

...

Да, блях.

Он меня не помнит. Зато вовсю пытается склеить.

И ведь, зараза...

У него опять получается...

Глава 1

Pov Сандра

За десять минут до пролога

Школьный выпускной, когда тебе не семнадцать, а двадцать пять, — это уже не про ностальгию.

Это про самоуничтожение.

Я могла не приходить. Могла остаться дома, включить сериал, съесть что-нибудь вредное и сделать вид, что прошлое меня не волнует.

Но нет.

Я надела платье с глубоким декольте и пришла проверить, исправляет ли похудение разбитую самооценку.

Спойлер: не исправляет. Даже если на тебе теперь платье размера s, а тогда был уверенный xl без вариантов.

Останавливаюсь на входе, сканирую глазами зал. Все украшено по-детски. Шарами под потолком. Старыми фотографиями, которые криво приклеены скотчем. На сцене — рулетка с заданиями. Кто-то явно будет их выполнять. Кто-то снова будет изображать веселье.

Как в школе. Без изменений.

Подхожу к лучшей подруге, ради которой весь этот долбанный выпускной и был задуман.

— Потрясающе выглядишь, — говорю почти ей на ухо.

И тут же выхватываю взглядом того, кого видеть не хочу.

Или хочу.

Больше всего на свете хочу. И одновременно боюсь.

А он? Как всегда идеальный. Такой, каким я его запомнила. Брюки, рубашка, ремень под цвет ботинок. Просто мистер совершенство.

Если бы существовал календарь идеальных мужчин, он был бы мистером июлем. Самый жаркий месяц всегда достается таким засранцам.

Отвожу от него взгляд. С усилием. Почти с хрустом.

— Почему ты мне не сказала, что он тут будет? — пытаюсь прошипеть гневно в сторону подруги.

Хотя получается скорее нервно и неубедительно.

Глупо.

Я же прекрасно знала, что он будет на этом выпускном. И с маниакальной настойчивостью хотела его увидеть.

Зачем — вопрос открытый.

Может, я надеялась, что он располнел. Или облысел. Или хотя бы слегка сгорбится — ну хоть что-нибудь человеческое.

Но нет. Красавчик — это слишком мягко. Это как человека, который весит тонну, назвать слегка полноватым. Или мисс Мира — просто «немного хорошенькой».

Так, главное не подавится слюной.

Кобздец.

Восемь лет прошло, а я на него все еще облизываюсь. Ну беспорядок совсем.

Пора этот гештальт закрывать. Я, вообще-то, психолог. Дипломированный. С печатью.

А не вот это вот всё.

Думаю эту мысль, а причина моих детских слез уже почти бежит в нашу сторону.

И просто не сводит с меня взгляд. Протягивает руку. Представляется.

И мне бы ответить.

Пощечиной? Или выплеснуть ему в лицо шампанское.

— Работаете вместе? — спрашивает уже у Вики.

Она прикусывает губу, пытаясь скрыть усмешку. Здесь и правда есть их с Даней коллеги, так что предположение вполне логичное.

— Да, над разными проектами, — отвечает она, смело глядя ему в глаза.

Я показываю ей пальцем класс за его спиной.

Хорошо, когда подруги понимают друг друга без слов.

— Вы тоже математик? — снова уставился на меня.

Вика прыснула с хохоту.

— Я психотерапевт, — говорю честно.

Потому что врать уже некуда. Да и не хочется.

Его лицо странно вытягивается. Переводит взгляд, полный ужаса на Вику.

— Мы с клиентами работаем, нам в офисе обязателен психотерапевт. Иначе начнем друг друга убивать, — отвечает она.

И тут уж мне хочется аплодировать ее искренности. И когда это она научилась так красиво врать?

— Ну что же, психотерапевтов у меня еще не было, — отвечает спокойным тоном.

А у меня внутри всё временно меняется местами. Сердце куда-то в горло.

Желудок — под рёбра.

Разум — на перекур.

Может, он вовсе не это имел в виду?

А может — именно это.

Чёрт.

Пора собраться с духом.

Это же твой праздник, Кассандра. Твоя законная возможность почувствовать, каково это — быть красивой на школьном утреннике. С опозданием лет на восемь.

И он даёт мне это ощущение.

Берет мою руку и подносит к губам.

— Очень и очень приятно познакомиться, Сандра, — произносит ласково.

Губами касается кончиков пальцев.

Ой не так руки целуют на приличных мероприятиях, ой не так.

Резко отворачиваюсь.

Медленно выдыхаю.

Хреновая идея оформляется в голове мгновенно.

Он меня не узнал.

Ну, что же.

Значит будем знакомиться заново...

Глава 2

Ров Алекс

Вышел из машины в дерьмовом настроении. Даже не заметил, как мы приехали.

Потому что всю дорогу говорил о том, о чем говорить не хотелось. И сейчас вот хочется разбить телефон об асфальт.

Разбить, растоптать, а потом купить новый. Лучше два. Один — для дела, второй — чтобы швырять, когда бесит.

Но телефон — это иллюзия.

Эти люди достанут меня и без него. Если захотят — позвонят прямо в мозг. И, зная их, такая технология уже где-то на стадии «бета-теста».

Месяц просидел на Камчатке по официальной версии.

На самом деле почти на Камчатке. Географически — близко. Фактически — сильно южнее, шумнее и настолько густонаселенно, что ночью город дышит тебе в затылок.

Сделал то, что от меня хотели.

Чётко. Быстро. В лучшем виде. Как всегда.

И вот теперь — «доработать».

Слово-то какое мерзкое.

Я не дорабатываю. Я либо делаю сразу идеально, либо вообще не берусь.

Мысль послать эту работу к черту возникает легко. Слишком легко. Я отсекаю ее без усилий. Не потому, что не могу. А потому что пока невыгодно. И потому что, черт возьми, я обожаю эти заказы. Те самые, в которых всё сходится сразу: масштаб, риск и цифры, из-за которых люди начинают говорить шепотом.

Когда платят не за время и не за результат. А за то, что больше никто не справится.

Именно поэтому меня сейчас и бесит слово «доработать».

Я сделал всё правильно. Так как договаривались. Так как стоит дорого.

А «доработка» — это когда кто-то решает, что может вмешаться в уже законченную систему и при этом не взять на себя последствия.

Этого я не люблю.

Но сейчас нужно просто переключиться.

Поставить всё на паузу. Расслабиться...

А потом решить, что делать дальше — и с ними, и с собой.

Поднимаюсь по ступенькам. Захожу в свою старую школу.

Ту самую. С облезлыми стенами, запахом пыли и воспоминаний, которые лучше бы остались похороненными.

Раздеваюсь в гардеробе. Прямиком в зал.

До сих пор не понимаю, зачем согласился на эту бредовую идею брата.

Повторить школьный выпускной.

В моём случае повторять нечего.

Выпускного у меня не было.

Хотя формально — был.

Я там присутствовал телом.

Сознанием — нет.

Пьян был ещё до входа в зал.

Так, что ноги жили отдельной жизнью.

Голова — тоже.

Память — уволилась без объяснений и выходного пособия. Поэтому помню я мало. Классная руководительница быстро выволокла меня в коридор и сдала водителю. Как мешок. Без описи вложений. Мы тогда с ним ещё подрались.

Ну как подрались... Я попытался ему врезать.

А врезал в стену. Со всей дури. Костяшки — в кровь. В голове — гул, как в трансформаторе.

Очнулся уже дома. В своей комнате.

Красиво закончил вечер.

С тех пор силу стараюсь рассчитывать.

А вот вечеринок таких стараюсь избегать. Обычно. Но в этот раз отказать брату не смог. Я вообще не умею отказывать тем, кого люблю. Проклятый талант.

А для Дани это важно. Да, и подбить людей на какую-то дичь для него — всегда было раз плюнуть.

Харизма, мать её.

Он собрал нас пару недель назад у себя в кабинете. Ну, как собрал. Загнал. Сел, сложил руки и сразу заявил, что у него есть «предложение».

Мы, конечно, не удержались.

Феликс первым хохотнул:

— Замуж за тебя я не пойду.

Олег тут же подхватил:

— А я, вообще-то, уже женат.

Я только фыркнул. Без энтузиазма.

— Кто помнит свой школьный выпускной?

Феликс пожал плечами.

— Я не был. Уехал на стажировку в Сколково.

Олег задумчиво протянул: — Я что-то смутно помню. Танюша сказала, что беременна прямо в тот вечер.

— А я бухал. И ты знаешь почему, — сказал я почти грубо.

Даня смерил меня виновато-недовольным взглядом.

— Это прекрасно. Вика мечтала о выпускном в школе, на котором не была из-за меня. И я подумал... может, устроим ей настоящий?

— А чё нет-то? Таня в восторге будет. Она тоже мечтала, но вместо танцев плакала в женском туалете, — оживился Олег.

— Ну, я за любой кипиш, кроме голодовки, — кивнул Феликс.

Даня перевёл взгляд на меня. Я вздохнул. Наверно, я остался единственным, кто не разделял всеобщего восторга.

— Тупая идея. Но если для тебя важная — я в деле.

Братец расплылся в улыбке. Как ребёнок, которому разрешили разобрать что-то дорогое.

Вообще, он у меня удивительный. Собирает вокруг себя совершенно нелогичных людей.

Бывший главный школьный хулиган. Ботаник, которого все кому не лень макали мордой в умывальник. Красавчик, которому обычно плевать на всех.

И один гений, который каким-то образом их связал.

— Я ещё её сотрудников соберу и массовка выйдет огонь, — продолжил свое планирование Даня.

— Олег, помещение на тебе. Ты быстрее всех найдёшь.

— А чё? Давайте в нашей школе. Я договарюсь, у меня там старшая учится, подвязки есть.

И вот тут я завис. Потому что уже на этом этапе стало понятно — это будет красиво.

То же самое место. Те же стены. Тот самый зал, который тогда мог быть.

Полное погружение.
Без шансов на спасение.
Гениально. Чёрт бы его побрал.

— С меня список гостей. С Алекса — перестать корчить недовольную морду. А Феликс... найди себе подружку.

Феликс разразился хохотом. А я скорчил гримасу, потому что, если эти трое всерьез решили устроить школьный выпускной... миру стоит подготовиться.

Только вот к катастрофе или к фейерверку, не знаю.

Возможно, и к тому и к другому. Как обычно бывает с идеями, в которых замешаны чувства.

И вот теперь я здесь. Внутри этой идеи.

Ногами. Телом. В здравом уме.

И это пугает особенно.

Но придраться и правда ни к чему. Получилось довольно мило. Без пошлости. Без перегиба. Моё извращённое чувство прекрасного, и то осталось довольно.

Братец загнал на славу.

Что только не сделаешь, когда влюблен.

Я перевожу взгляд на его избранницу. Красивая — как и в школе. Умная. И скромная. Редкий, мать его, набор.

Ну разве мой брат мог устоять? Да ни разу.

И сейчас она смотрит на него с таким обожанием, что мне тошно.

Не от них. От себя. Потому что на меня так не смотрит никто. И, если честно, никогда не смотрел. Хотя... Ладно.

Сейчас я тупо завидую. Вот прям по-чёрному. Хотя всю жизнь считал это чувство для слабых. Меня накрывает от их близости. От того, как ей от него ничего не надо, кроме него самого.

У меня всегда иначе.

Женщинам я нужен, как мясо. Красивая картинка рядом. На втором месте деньги. На третьем не знаю, что на третьем.

Кажется, первых двух уже достаточно.

Я привлекателен и богат. И успешен. И меня хотят все.

Только вот не так, как хочу я. И это ощущение липкое, неприятное, как чужая ладонь на плече, которую нельзя стряхнуть.

Чтобы не залипать в этом, делаю самое простое — переключаюсь.

На людей. На шум. На любое движение, лишь бы не ковырять дальше.

Здоровуюсь с другом из Америки. Дима прилетел всего пару дней назад и сразу попал в гущу событий — без акклиматизации и раскачки. Сразу в чужие воспоминания и шампанское.

— Чет ничего приличного тут нет? — говорит он, обводя глазами зал.

Под «приличным» Дима, разумеется, имеет в виду женщин.

Блондинок. В идеале — с голубыми глазами.

Я тоже уже оценил, что таких нет. Странно даже.

Но в любом случае я здесь не для случайных знакомств. Я просто поддержка. Брату, который делает важный шаг в своей жизни.

И именно в этот момент у меня странно дергаются мышцы на спине.

Не от музыки. Не от холода.

Чей-то взгляд. Неприятный. Колющий. Режущий.

Я прям физически ощущаю, как меня только что мысленно четвертовали.

Без анестезии.

— О, а ты тут уже кое-кому приглянулся, — подтвердил мои опасения Дима.

Я резко обернулся.

Как раз в тот момент, как женщина в синем платье отвела взгляд. Оценил. С ног до головы приласкал ее глазами.

Стрижка каре, темные волосы, стройная фигурка. Похожа на француженку.

Есть в этом что-то. Определённо.

И раз уж меня выбрали — надо хотя бы познакомиться.

Из вежливости. Или из упрямства.

— Вообще, есть такая примета, что после выпускного надо заниматься сексом, — сказал Дима и снова начал сканировать толпу своим ищущим взглядом.

— А если не следовать примете? — почему-то спросил я.

Не свожу взгляд с брюнетки. Определенно подходит. Для того чтобы следовать приметам.

— Ну типа выход во взрослую жизнь будет со сложностями, — ответил он равнодушно.

Ну, ну.

Поздно вато, но сойдет. В конце концов, я никогда не отличался пунктуальностью.

Феликс появился, как всегда, словно чёртик из табакерки. Амбал под девяносто килограмм, а ходит так тихо, будто скользит по воздуху. Опасный навык для человека с таким весом и таким количеством идей.

И пока мужики не начали своё любимое — грандиозные планы по захвату семейной фирмы вопреки мнению деспота-отца, я тихо свалил.

Неинтересно.

У меня намечаются более приятные занятия, чем расчеты и схемы.

Пошел прямиком к предмету. Знакомиться и брать на бордаж.

Пока никто другой не успел подкатить.

Потому что — давайте будем честны — там определенно есть к чему.

О да...

Глава 3

Pov Сандра

Ведущий объявляет какую-то глупую школьную рулетку. Хотя, похоже, только мне она кажется глупой.

И то, потому что я чувствую, что сижу на жерле вулкана.

Впервые в жизни я совершенно не могу себя контролировать.

Как будто все мои детские комплексы, которые я, казалось бы, благополучно пролечила, решили устроить побег.

С фейерверками.

И без предупреждения.

У остальных гостей нашего вечера такой проблемы, видимо, нет. Люди в восторге.

Дергаюсь, когда слышу задание: *«признаться в том, кто был твоей школьной любовью»*.

Нет. Мне не выпадает.

И — слава богу.

Таня смело объясняется в любви мужу.

Врёт. Очень сомневаюсь, что в пятом классе он ей нравился. Олег тогда был, мягко говоря, не самым приятным парнем в мире. И уж точно не самым привлекательным.

А чтобы сделала я, если бы такое желание выпало мне?

Ну, да, как же.

Встала бы на табуретку и сказала, что страдала из-за этого самодовольного придурка.

Не дождетесь. Совру...

И лучше в любви к Карлу Лагерфельду объяснюсь, чем к этому.

И все равно. Не свожу с него глаз. Не с Карла, конечно. С этого долбаного Алекса Самойлова.

Ну, как это блин работает-то?

Не хочу смотреть, но поделаться с собой ничего не могу.

Странное притяжение. Отключите его уже кто-нибудь.

Улыбаюсь, глядя на сцену. Делаю вид, что мне весело.

Еще один бывший одноклассник бежит со скоростью броненосца за заданием для своего позора. Ведущий зачитывая в микрофон.

«Назови одноклассника, чьи перемены после школы тебя удивили больше всего».

— Боже, да легко! — он поднимает бокал в мою сторону. — Сандра.

По залу прокатывается свист. Кажется, меня начинают узнавать, те, кто до этого не смог.

Вот блин. Такую интригу испортили.

Ладно.

Переживем.

Я больше ни секунды не стесняюсь той девочки из прошлого.

Она слишком много выдержала, чтобы её прятать.

Она заслужила быть здесь.

Прямо сейчас.

Максимально вежливо поклонилась Вадиму за приступ внимания к моей персоне.

— И чем же ты так изменилась? — спрашивает Алекс, каким-то странным образом оказываясь за моей спиной.

Он ещё не догадался. Но уже что-то чувствует. Пытается сложить картинку. И не может.

Я пожимаю плечами:

— Им виднее.

Ведущий стучит по микрофону, возвращая себе внимание зала.

— Народ, раз уж вы так просите Сандру... ладно. Следующее спецзадание:

«Предсказание будущего выпускника».

Я пшикаю от восторга.

Притворного, конечно. Но ладно, могло быть и хуже... Сильно хуже. Иду на сцену.

А этот странный ведущий продолжает:

— Выбираешь любого человека в зале и рассказываешь о нем сейчас. Если попадаешь — бурные аплодисменты. Если нет — штрафной тост за неправильное пророчество.

И тут, разумеется, все головы синхронно поворачиваются в мою сторону.

Кассандра, ясновидящая. Великая шаманка школьного образца... спасибо, ребята.

Я уже открыла рот, чтобы выбрать Вику. Посмеяться, «угадать все ее шаги после школы» и благополучно свалить со сцены. Под бурные аплодисменты, разумеется.

Идеальный план.

Но в этот момент из зала раздаётся громкое:

— Про меня расскажи!

Впиваюсь недовольным взглядом в блондина.

А он, что? Поднимается на сцену с таким видом, будто его позвали на вручение «Оскара». Улыбается зрителям. Подмигивает мне.

Зал ревет. Ведущий радостно подпрыгивает — такого энтузиазма он точно не ожидал.

Ну, хорошо. Играем по твоим правилам, сам напророчился.

Я протягиваю руку и беру его ладонь в свою.

Переворачиваю.

Провожу подушечками пальцев по шершавой коже.

Большая ладонь. Мозоль под пальцами. Наверное, спортзал. Штанга. Регулярно.

Медленно глажу каждую мозоль, словно изучаю линии судьбы.

Очень внимательно.

Слишком.

Он едва заметно сглатывает.

Сам напророчился.

Теперь не жалуйся.

— Здесь у тебя линия... «я опять ввязался неизвестно во что». Очень ярко выраженная, — держу серьезное лицо.

— О да. Я сейчас прям это чувствую, — пытается рассмеяться.

Но выходит хрипло.

Я продолжаю.

Круговыми движениями глажу каждую выпуклость на его ладони.

Медленно.

Вдумчиво.

Он облизывает губы.

Но руку не убирает.

Невинное гадание?

Как бы не так.

Я уже успела представить, как эти руки скользят по моим ногам. По бёдрам.

Выше.

Зал улыбается. Перешептывается.

Кто-то хихикает.

Кто-то всё понимает слишком хорошо.

— Что насчет будущего, Кассандра? — вмешивается ведущий, смотря на ладонь Алекса поверх моей головы.

— Подождите...не так быстро, — говорю я.

— Если ты продолжишь в том же духе, то всё будет быстрее, чем хотелось бы, — шепчет он, наклоняясь к моему уху.

Слишком близко. Слишком тихо.

Слишком лично.

Ведущий тут же возмущается, считая это подкачкой. Зал ревет от смеха.

А я покрываюсь мурашками с ног до головы. Настоящими. Предательскими.

Но его ладонь не отпускаю.

— Хорошо, после школы ты будешь... богатым человеком, — говорю спокойно.

Я действительно изучала хиромантию. Я умею читать знаки.

А тут — всё слишком очевидно.

— А известным я буду? — спрашивает аккуратно.

Нет. Про популярность тут речи не идёт. Здесь другая история.

Серый кардинал. Деньги. Успех — без аплодисментов.

Отрицательно машу головой.

Но почему-то его этот ответ устраивает.

— Одно только могу сказать точно, — наконец опускаю его ладонь, и вместе с этим между нами рассеивается туман.

— Ты каждое утро перед зеркалом говоришь себе: «Ну привет, красавчик».

Зал взрывается смехом.

Коллективным. Облегченным.

Как будто все ждали именно этого.

— Сандра! — кричит откуда-то Олег. — Да ты экстрасенс!

А Алекс смотрит на меня. И улыбается до ушей. И вы даже не представляете, что происходит со мной в этот момент.

Мы оба смеёмся вместе со всеми, но в его взгляде впервые мелькает что-то новое.

Интерес. Ко мне? Откуда бы ему взяться.

Но этого никто не замечает.

Потому что барабан снова крутится. И людям хочется продолжать веселиться.

Им вообще плевать на чужие микродвижки и недосказанности.

Глава 4

Ров Сандра

Я спускаюсь со сцены. На автомате. Иду к бару. Опрокидываю два бокала шампанского друг за другом. Залпом.

Потому что как-то мне нехорошо. Неуютно вдруг стало.

Как будто я случайно зашла не в ту жизнь. И теперь не знаю, как вежливо из неё выйти.

Прислоняюсь к двери в конце зала. Оглядываю взглядом толпу. Радуются, веселятся.

И мне бы тоже улыбнуться.

Это твой звездный час, дорогая.

Ты мечтала когда-нибудь так заявиться в школу. В маленьком платье. И чтобы все обалдели.

И вот, это произошло.

А мне уже по хрен. Фиолетово.

Как-то неожиданно фиолетово на всё сразу.

И это не укладывается ни в один учебник по психологии.

Я листала — там такого нет.

Пытаюсь анализировать себя, но выходит каша. С комочками. Такая, знаете, из детства. Когда вроде еда, а есть невозможно.

Глупо. Завтра запишусь к своему психотерапевту. А как вы хотели? У каждого психотерапевта есть свой психотерапевт. Иначе мы бы давно уже коллективно сошли с ума и открыли лавку с благовониями где-нибудь на Бали.

— Как так получилось, что ты знаешь меня, а я тебя нет, — медовый голос позади меня. Не оборачиваюсь.

Зачем?

— Ты был королем, а я невидимкой, — говорю спокойно.

Без горечи. Хотя скребет еще внутри что-то. Не могу объяснить.

И тут же замолкаю, уставившись на сцену. Потому что, если повернусь — придётся продолжать этот разговор.

А я пока не уверена, хочу ли.

Но Алекс тоже смотрит на сцену.

Да, что там. Все сто человек смотрят туда.

Ведущий озвучивает новое желание.

— Сказать вслух то, на что не хватало смелости много лет.

Гул, свист, смех — все ждут чего-то эпичного. И вот он. Этот момент. Даня Самойлов — берёт микрофон...

И история вершится прямо на наших глазах. Легенда о «великой школьной любви» наконец получит счастливый финал.

С хеппи-эндом.

С аплодисментами.

И он зовет ее к себе на сцену. Вика поднимается. В своём ярко-красном платье.

Но мне не надо смотреть на нее. Мне нужно видеть его глаза.

Господи... Сколько же в них восторга. Обожания. Желания. Страсти.

Всё сразу. Без стеснения. Я стою как замороженная.

Алекс позади меня тоже. Он ничего не говорит — просто... присутствует. И по какой-то причине его молчание ощущается громче музыки.

Но весь зал — только для них.

И я ловлю себя на том, что улыбаюсь. Не потому, что от меня ждут реакции. А потому что... ну видно же.

Вот оно.

Живое.

Настоящее.

Без пафоса и фальши.

Даня опускается на одно колено.

И я, кажется, не дышу.

Не потому, что хочу так же.

А потому что это красиво.

Потому что такие моменты случаются редко.

Потому что невозможно не растаять, когда смотришь, как два человека вдруг сходятся там, где должны были быть давно.

Ведущий, как по заранее прописанному сценарию, подаёт Дане коробочку. Вика закрывает рот рукой, будто пытается удержать слова, которые всё равно вырываются:

— Да...

Её шёпот как крик.

И зал взрывается. Хлопают, свистят, кто-то подпрыгивает, кто-то снимает видео.

— НАКОНЕ-Е-Е-ЕЦ-ТО! — орет кто-то.

Похоже, что Феликс. Узнаю не по голосу. А скорее по тому, что он не умеет держать эмоции на поводке.

А я хлопаю и улыбаюсь. Честно. С теплом, которое расплзается в груди.

Потому что если уж кому-то в этом зале было суждено эпичное воссоединение — то им.

Идеальная пара, которая почему-то потеряла друг друга... И вот нашла снова.

Они заслужили этот момент — эпичный, громкий, безупречный.

И в этой буре счастья я снова чувствую Алекса за иллюзорным сантиметром от себя.

Он тихо, почти неслышно произносит:

— Чёрт, это было... круто.

От его голоса по коже пробегает дрожь.

Но я не поворачиваюсь.

Я смотрю на Вику и Даню, которые обнимают друг друга.

И кажется, что весь мир, наконец, стал на место. Как будто всё, что до этого в нем было «не так», сейчас исправилось одним простым движением.

Пусть у кого-то будет эта история. Эта сказка. Это идеальное «нашли друг друга снова».

А своё... своё я ещё напишу.

Сама.

Не оборачиваясь на Алекса, иду в сторону выхода. Или в женский туалет.

Еще сама не решила уйти или остаться.

Подумаем об этом в течение 5 минут.

Глава 5

Ров Сандра

Устала на себя в зеркало в женском туалете. Не могу почему-то переключиться. Смотрю на себя и вижу...

Себя.

Только ту себя. Десятилетней давности. С лишним весом, щеками, как у бурундука. И маленькими глазками, которые терялись на огромном круге моего лица.



Достала помаду. Красную. Специально подбирала для сегодняшнего вечера. Ярко. Хотела почувствовать себя женщиной вамп. Красивой, опасной, притягательной.

Но снова превратилась в нелепую толстушку. Которая умеет только смеяться над самой собой. Потому что если не смеяться, то можно сдохнуть.

А к такому исходу сегодняшнего вечера я еще не готова. Ну, ни разу не готова.

Вышла в коридор. И вот тут у меня два пути. Благополучно одеться, вызвать такси и по-быстрому уехать домой.

Или вернуться в зал.

И добить себя этим вечером окончательно.

Недолго думая, я развернулась на 180 градусов и пошла в сторону актового зала.

Гулять так гулять.

Взяла бокал шампанского со стойки и присела за свободный стол.

На каблук сапога приклеились конфетти, которые летели с потолка в честь помолвки Дани и Вики.

Но, наверно сегодня эта меньшая из моих проблем.

С большей проблемой лучше не пересекаться.

Еще бы не пить было бы отлично. Но тут уж надо выбрать что-то одно.

Два ограничения для себя за раз, это уже слишком.

— А ты правда психолог? — ко мне подсаживается бывшая одноклассница.

Киваю, делаю глоток шампанского. Вообще-то, я психотерапевт. И это немного другое.

Но надо ли ей объяснять.

Не думаю.

— А можно тебе вопрос задать?

Ну, не знаю.

Можно тебе или нет. Спроси у кого-нибудь, что ли.

Кивнула, как бы разрешая ей.

— У нас с мужем последнее время не клеится, а я не хочу развода.

— Сколько в браке? — на автомате спрашиваю я.

Черт. Зачем, спрашиваю. Профессиональная деформация уже.

— Шесть лет с половиной.

Хм. Понятно. Как раз почти семилетний рубеж. Сказать ей или не надо? Посмотрела еще раз в наивные глаза.

Да, к психологам мы ходить стесняемся, но на встрече выпускников, разумеется, готовы делиться своими проблемами с левой теткой.

Даже диплом не спросила. Ну, что за люди?

Стоп. Сандра.

Что-то ты нервная стала.

Надо успокоиться. Помочь кому-нибудь, например. Отвлечься хоть немного.

— С сексом проблемы? — спрашиваю прямо в лоб.

Ноль такта.

Но я не на работе. И она мне не платит за прием. А он, кстати, стоит пять тысяч рублей. И почему я об этом сейчас вспомнила?

Она округляет глаза.

— Откуда ты знаешь?

— Ближе к семи годам так часто бывает. Нужно разнообразить сексуальное меню, — говорю спокойно.

— Измена?

Ох, блин. Ну почему сразу такие крайности. Еще про обмен партнерами скажи.

Так, Касандра, хватит быть на взводе.

Девушке нужна помощь, и ты можешь помочь.

Сделать хоть что-то полезное.

А не следить глазами за тем, за кем следить вообще не нужно.

Не только не нужно, но и крайне вредно.

Перестань, тебе говорю.

Сосредоточься. На человеке. Представь, что ты на работе.

— Есть то, что тебя не устраивает в постели? — перевожу взгляд на собеседницу.

И снова дергаюсь. Потому что не знаю, где он. Исчез из поля зрения.

— Ну, нет. Все хорошо, — мнется, как школьница.

— Если хочешь моей помощи, то говори правду. Представь, что я врач. Ты же не скрываешь симптомы болезни от терапевта.

Она прикусывает губы.

— У нас нет влечения друг к другу. Дом, быт, ребенок. Как будто всегда находиться что-то более важное, кроме как... это самое...

Снова кусает губы.

Знала бы она, сколько подобных откровений я слышала за свою жизнь. Не люблю обобщать, потому что все отношения индивидуальны.

Но есть общие черточки, которые масками проходят по жизням каждой из нас.

Например, детская влюбленность. В самого красивого мальчика в школе.

У кого из нас ее не было? Все время казалось, что он вот-вот разглядит в тебе... душу. Но мальчикам в этом возрасте важна не душа. Как правило.

А кроме нее, у меня тогда ничего не было.

— Что насчет оральных ласк? — спрашиваю у девушки осторожно.

Она краснеет. Натурально превращается в помидорку. Значит, нет.

— Это грязно, — пытается оправдать свой красный цвет лица.

— И никогда не хотелось сделать мужу приятное?

Она теряется. А я прикусываю губу. Не место об этом говорить. И не время, наверно.

Но дело ведь не в оральном сексе. Дело в удовольствии, которое люди могут доставить друг другу.

Когда женщина возбуждена до предела, ей хочется. Или не всегда? Не знаю. Я всё-таки не сексолог.

Ну, был у нас курс, конечно, в универе. Но глубоко я в него не погрузилась. Многозначно. Согласна. И даже смешно.

— Я считаю, что мужчина, который любит, не будет о таком просить, — на полном серьезе говорит девушка.

Я киваю. Ну, если она так считает, то ок.

— Сходите к семейному психологу, — пытаюсь дать совет.

— А ты правда считаешь, что делать минет — это нормально? — к нам подсаживается совершенно незнакомая мне девушка.

Не знаю. Стоит ли обсуждать такие вещи с незнакомками.

Но три бокала шампанского во мне отвечают, что стоит. Хоть какое-то веселье.

— Что естественно, то не без оргазма, — пытаюсь свести разговор в шутку.

— О, какие интересные тут разговоры, ничего, если я уши погрею?

Я непроизвольно вздрагиваю от мужского голоса совсем рядом. Поднимаю голову и встречаюсь взглядом с голубыми глазами...

♥#♥#♥# ♥#♥#♥#

Глава 6

Ров Сандра

Алекс Самойлов сверлит меня своими голубыми рентгенами. Господи, ну не должно быть у мужика такого цвета глаз. Это нечестно. Это биологическое оружие, запрещенное Женевской конвенцией.

И улыбки такой быть не должно. Не должно...

Ну все же видели, что он сам напросился? Я вообще никого силой в интеллектуальный разврат не тащу.

Меня сложно смутить. Разговорами о близости я могу заткнуть любого. Даже тебя, голубоглазая угроза обществу.

— Присоединяйтесь к дискуссии... Александр, если не ошибаюсь?

Специально делаю паузу на имени. Как будто сомневаюсь. Как будто не прокручивала его «Алекс Самойлов» в голове три раза за последние пять минут.

Он ухмыляется. Понимает, что выпендриваюсь.

Знает всё.

Кроме того, кто я. Но мне так даже веселее.

— Как вы считаете на каком свидании допустимы оральные ласки? — задаю ему вопрос.

Тон — академический. Голос — ровный. Выражение лица — как у человека, который интересуется расписанием электричек.

И тут же смотрю на девчонок.

— Вот вам мужской взгляд будет.

Он не сводит с меня глаз. Секундная пауза. Ровно такая, чтобы я успела подумать — сейчас смутится, уйдёт в сторону, скажет что-нибудь нейтральное.

Он не смутился.

Он не ушёл в сторону.

Он не сказал ничего нейтрального. А просто выдал:

— На первом нормально.

Бамс.

Кто бы сомневался.

Тебе, красавчик, кажется, и без свиданий каждая готова отсосать.

— Со стороны мужчины или женщины? — уточняю я тоном профессора на защите диссертации.

Ухмыльнулся. И очень надеюсь, что пожалел о том, что появился в моем поле зрения.

— Не вижу разницы. Главное, чтобы по обоюдному согласию. Как правило, и мужчина и женщина получают удовольствие, когда партнер достигает оргазма.

— То есть ты женщинам делаешь, ну это самое? — задают ему вопрос кто-то из моего женского круга.

Я только ухмыляюсь. Как же интересно.

— Конечно, мне нравится даже, — отвечает, не поведя бровью.

— Ах, — кто-то не сдерживается и чуть ли не падает в обморок.

— Прямо нравится? — подкидываю я ему слов, чуть прищурившись.

— А ты сомневаешься?

— Я проверяю, — улыбаюсь.

Он чуть подаётся вперёд.

— Проверка будет теоретическая или практическая?

Хах. И еще раз Хах.

Молодец. Касандра.

Тебе осталось покраснеть, и программа выпускного выполнена.
Ты сидишь рядом с Алексом Самойловым и разговариваешь с ним...
Об оральном сексе.
И он почему-то не сводит взгляд с твоих губ.

Черт.

Я делаю ещё один глоток шампанского. Третий бокал. Или четвертый? Неважно. Главное, что пузырьки в голове ведут себя вполне интеллигентно — слегка щекочут мозг, но не выключают его полностью.

Пока не выключают.

— И кстати, когда девушка красит губы таким цветом, как у тебя — это намек, на то, что она не против отсосать.

Пху.

Все мои силы, чтобы остаться невозмутимой. Призываю все силы, которые есть у меня. И те, что когда-то были. Весь стратегический запас самообладания — сюда, немедленно.

Собралась.

Улыбнулась и выдала лучшее, что могло прийти на ум.

На тот самый ум, в котором уже плещутся пузырьки шампанского.

— Иногда банан, это просто банан, Александр.

Стараюсь, чтобы голос звучал низко и сексуально. Но получается странно. Что-то среднее между Николь Кидман и простуженной уткой.

Но главное, что мой ответ его полностью удовлетворяет.

Так сказать в оральном смысле.

— А сегодня иногда или не иногда? Хотелось бы знать точно.

Тоже шепчет. И этот шепот ползет по моему позвоночнику. Дотрагивается до плеч, ложиться на грудь. Задевает соски.

Влечет.

Меня к нему определенно влечет.

И это уже не та детская история, которую я помню по школьным коридорам. Та была другая — маленькая, смешная, почти невинная. Парные футболки и держаться за ручку на каждой перемене. Тайком смотреть, как он смеётся с друзьями и думать — ну почему, почему он такой.

Восемь лет прошло.

Он всё ещё такой.

Только теперь это работает совсем иначе. Это что-то новое. Взрослое. Опасное. Влечение к тому, к кому совершенно не надо влечься.

Есть такое слово? Не знаю.

Плывать.

Надо переключиться. Продолжить разговор о минете с подружками, например.

Отворачиваюсь от него. Демонстративно.

— Девочки, я вас успокою. Есть мужчины, которые не любят оральный секс.

— Нет таких мужчин, — насмешливый голос рядом.

— Есть, — спорю.

Он замолкает на секунду. Потом смеётся — тихо, почти беззвучно, одними глазами. И это, пожалуй, самое опасное из всего, что он делал за последние полчаса.

— Девчонки, слушайте меня, а не ее. Все мужчины любят минет. Просто есть скромные, которые стесняются попросить. И есть женщины, которые делают его хреново.

Я прикрываю губы руками, чтобы не показать, как мне смешно.

Наши с ним «пациентки» краснеют, потом бледнеют. Но слушают его с открытым ртом, так сказать. Дурацкая метафора просится в мозг, но я молчу.

Сексолог доморощенный, блин.

— Девчонки, хотите расскажу вам, что самое страшное для мужика в тот момент, когда ваши зубы рядом с нашим главным сокровищем?

Я лягаю его ногой под столом, чтобы он заткнулся.

Он только улыбается.

Лягаю ещё раз — уже прицельно.

Улыбается шире.

Нравится ему всё это. Определённо нравится. Всё, что я задумала как повод его взбесить или смутить — работает строго наоборот. Ещё больше распаляется.

— Ты что творишь? — шиплю уже, потому что он не обращает внимания на мои удары под столом.

Он разворачивается ко мне с такой невинной улыбкой, что в пору рисовать нимб. Чистый ангел.

Непорочное зачатие. Голубые глаза — свет, добро и благотворительность.

И вот с этим лицом произносит на одном дыхании:

— Девчонкам нужен ликбез, мужикам хороший минет. Я спасаю семьи...

Закрываю лицо руками, чтобы не рассмеяться в голос.

Ну разве так можно. Ну как так можно???

Быть таким абсолютно бессовестным — и при этом чертовски охеренным...

Это вообще законно?

— Что у нас главное в минете? Власть, — продолжает он.

С интонацией человека, который сейчас покажет презентацию в PowerPoint. Слайд первый: «Женщины, очнитесь».

Ах, если бы в универе на сексологии был такой препод, я бы сменила специализацию. Ходила бы на все лекции. На все семинары. Сидела бы на первой парте и кивала с умным видом. И задерживалась после занятий с «дополнительными вопросами».

Отклоняюсь назад. Разглядываю его профиль.

Красивый.

Нет.

Тут другое.

Тут потрясный. Охуенный, я бы даже сказала. Шампанское во мне. Пузырьки.

— Ага, когда мужик тебе сует в рот хер, он чувствует себя героем, — произносит одна из бывших одноклассниц со злостью.

— Да, что за чушь? Если мужик сует тебе что-то в рот против твоей воли, ты можешь ему это что-то откусить, — почти злится Алекс.

— Когда вы делаете это — вы не жертвы обстоятельств. Вы дирижёры. Понимаете разницу? Дирижер стоит спиной к залу, машет палочкой, и сто человек делают то, что он хочет. Примерно так это и работает.

Тишина.

Все переваривают метафору про дирижёра.

Я переварила её быстрее всех — потому что, честно говоря, это очень неплохая метафора.

— Власть в этот момент только у вас. Власть у того, кто доставляет удовольствие, а не у того, кто получает. Чему вас только в школе учили, — уже почти стебётся.

Ага. В нашей школе таких предметов явно не было.

Хотя. Оксана Кремова очень детально расписывала то, чему Алекс учил её, когда они встречались. Боже, я от этих рассказов покрывалась мурашками с ног до головы. И краснела примерно по этой же траектории.

Мне было шестнадцать, и я сидела на подоконнике в школьном туалете, и Оксана говорила, говорила, говорила, а я делала вид, что мне это неинтересно.

Очень неинтересно.

Совершенно.

— Ну, это же неприятно, — возмущается девушка.

— Значит, твой муж - плохой любовник, — строго безапелляционно.

Он понятия не имеет, что такое этика.

А я не на работе. Я просто наблюдаю. И делаю очередной глоток шампанского.

Из того самого бокала, который он принёс с собой за наш столик. Поставил передо мной без лишних слов, как будто так и надо. Как будто он всегда приносил мне шампанское.

Я не отказалась. Профессиональный провал, Кассандра. Незнакомый мужчина — не берём напитки от незнакомых мужчин. Базовое правило.

Но это Алекс Самойлов.

И я его знаю. Он просто не знает, как хорошо я его знаю.

— Девушки, — продолжает он с видом человека, которому внезапно открылась миссия.

— Давайте я вам объясню одну простую вещь. Мужчина, который не умеет доводить женщину до оргазма, — это как повар, который не умеет солить. Формально готовит. По факту — есть невозможно.

— Это... очень точная метафора, — говорю я прежде, чем успеваю себя тормознуть.

Он поворачивается ко мне.

— Профессиональная оценка?

— Кулинарная.

Смеётся. Снова смотрит на нашу женскую аудиторию.

— Когда мужчина доводит жену до оргазма, она готова на многое. Тут дорога с двусторонним движением. Никогда не делайте минет из обязанности, ничего хорошего из этого не получится. Только после оргазма, в максимальном желании. Вот тогда это будет улет башки для всех.

Почти хлопает в ладоши и разворачивается ко мне с довольной улыбкой.

— Ну как? — спрашивает вполне серьёзно.

— Девять из десяти.

Он прищуривается.

— Девять?

— За харизму — плюс один. За самоуверенность — минус один.

— Жёстко.

— Объективно.

— Пересдача будет?

— Возможно. Если студент покажет практическую заинтересованность.

Он смеётся тихо. И этот смех... Он не громкий. Он личный.

Как будто мы уже вдвоём.

Сердце колотится, мозг кричит: *«Ты что творишь?!»*

Но шанс такой бывает раз в жизни. Так что?

Теряюсь? Или решаюсь?

Да, гори это всё синим пламенем.

Наклоняюсь к нему ближе. Касаюсь большим пальцем его нижней губы. Ухмылка расплывается медленно.

— Пойдем со мной, — протягиваю ему руку и поднимаюсь со стула.

И под восторженные охи бывших одноклассниц, я - Кассандра Белова.

Самая невзрачная девушка в школе.

Ухожу с выпускного с Алексом Самойловым. Самым ярким и красивым парнем во всем мире.

И знаете, что.

Мне совершенно не стыдно.

Потому что маленькая девочка внутри меня ВОПИТ от восторга.

Глава 7

Ров Алекс

Впервые в жизни — иду против собственного шаблона.

Против привычки. Против тупых, но родных инстинктов.

Брюнетка. Короткие волосы — до подбородка.

Такие даже на руку не наматываешь. Не подчинишь жестом.

И от этого, сука, еще сильнее заводит.

Всегда тянуло к длинным и светлым. Мягким. Удобным. Почти правильным. Что-то от пещерного человека — схватил, утащил, защитил. Всё просто.

А тут... Как будто током ебнуло.

Алые губы будто вспышка. Вынесли из орбиты.

Представил, как они на моем члене сомкнуться и чуть не сдох от желания.

Мозг коротнуло.

Она странная. Чужая. Совершенно не из моей коллекции прошлых ошибок.

Раньше были другие. Скромные. Блондинки.

Молодые, наивные, с глазами «скажи, как правильно».

А эта — нет. Эта огонь. Тьма. Как будто из ада вышла покурить и случайно зацепила меня взглядом.

Демоница.

Ещё бы чёрный латекс вместо платья — и моей психике пришёл бы пиздец.

С рожками. Да, именно с рожками.

Блядь, Алекс.

Ты нормальный вообще? Что за больные фантазии?

Какие, на хуй, ролевые игры?

— Пойдем со мной, — говорит низким для женщины голосом.

Не просит. Берет. Меня. Себе.

И вот что странно — мне плевать. Плевать, что не мой тип. Плевать, что может разнести к чертям.

Потому что впервые. Выбирал не я. Меня выбрали.

Меня соблазнили.

И если за секс с ней надо продать кому-то душу, то я, кажется, задам только один вопрос.

Где поставить подпись?

— И куда мы идем? — спрашиваю, помогая ей надеть пальто.

Руки ловят тепло. Коротко. Случайно. Но током. По венам.

— Если пригласишь в гости, то к тебе, — говорит спокойно.

Выходит вперед меня на улицу. На крыльце останавливается. Достает из сумочки телефон и выключает звук.

Зачем?

Ладно, проехали.

Какая мне разница.

— Меня немного пугает твоя раскованность, — говорю честно.

Без шуток. И правда напрягает.

Так не бывает.

Обычно — танцы с бубном с моей стороны. Уговоры.

Обещания. Игра в «я не такая».

А тут.

Опа. Давай-ка к тебе.

— Я знаю, чего хочу от этой ночи, что в этом пугающего?
Смотрит на меня хитрым взглядом.
— И чего же ты хочешь?
Делает шаг ко мне. Еще один. Не двигаюсь.
Я включился.
В её игру. В этот странный сценарий.
И мне, чёрт возьми, дико интересно, в какой момент она сольётся.
Когда смутится.
Когда вдруг скажет: «Ой, прости... я погорячилась... это всё шампанское».
Уставился тупым взглядом на алые губы.
Да, такие, что высосут из меня всю жизнь.
Но в этот момент я буду обдолбанным от счастья.
— Я сегодня хочу тебя, Алекс Самойлов, — произносит за секунду до того, как коснуться языком моей губы.
Хватаю ее за плечи и вжимаю в себя.
Вот и все. Красная Шапочка сама пришла к Серому Волку.
Без корзинки.
Без сказок.
Теперь не жалуйся бабушке на то, что он с тобой сделает.
Впиваюсь в ее рот поцелуем. Языком в язык. Толкаюсь, сражаюсь. За место в ее рту. Руку запускаю под расстегнутые полы пальто.
Собираю платье на бедре. Мягкая ткань. Кожа. Чулки.
Я всегда чувствую под платьем чулки.
Моя, красавица.
Все делает, как мне нравится.
И одежда, и макияж.
А поцелуй. Будто сожрать меня пытается. Жадность. Как будто долго себя сдерживала.
И вот что-то животное выбралось наружу.
И это заводит еще больше.
Меня уже просто не остановить.
Отрываюсь от нее. Снова беру за руку. Веду к машине.
Водитель открывает дверь, завидев меня.
— Не боишься ехать куда-то с незнакомцем ночью? — спрашиваю, чтобы смутить ее.
Даже если боится, все равно уже никуда не денется.
— Знаешь, есть такой анекдот про Красную Шапочку, — говорит, усаживаясь на заднее сиденье.
Хлопаю дверью. Обхожу тачку с другой стороны.
— Я готов слушать твои анекдоты, — говорю, закрывая шторку между водителем и задними сиденьями.
Встречает волк Красную Шапочку в темном лесу и говорит:
— Красная Шапочка, а не страшно тебе одной ночью по лесу к бабушке идти?
А Шапочка ему отвечает:
— А что мне бояться. Дорогу я знаю, секс я люблю.
И я почему-то расхохотался. Хороший анекдот. Правдивый.
— И чем же я заслужил такую Красную Шапочку сегодня? — спрашиваю на полном серьезе.
— Ты привлекательный и сам сказал, что делаешь куни, — хохотнула и даже как-то странно икнула от шампанского, — еще какие-то объяснения нужны?
Посмотрела на меня таким уверенным взглядом, что мне снова стало смешно.

Что она такое-то вообще?

— Ты всегда так откровенно говоришь о своих желаниях незнакомцам?

— Тебя это пугает?

— Скорее... сбивает с толку. Я не обделен вниманием, но чтобы сразу и в лоб.

— А что так? Ты же красавчик.

Мне захотелось насупиться.

Может быть, и правда она из какой-то параллельной реальности. Где женщины просто хотят секса и все.

И не требуют ничего взамен.

— Серьезно считаешь, что женщины кидаются на меня и раздвигают ноги через пять минут знакомства.

Пожала плечами.

— Я думала, что для такого, как ты это как раз привычно.

— И какой же я?

— Ты нарцисс, с ярко выраженной привязанностью к матери, которая тебя никогда не любила, и завистью к младшему брату.

Пфи.

— Я не завидую брату, — почти хохотнул.

Ну вообще ни в чем. Мозгам его, да ну на хрен такое богатство.

Хотя в чем-то она права. Есть с недавних пор то, чему мне хочется завидовать. А именно тому, как на него смотрит будущая жена. Как будто никого в мире больше не существует. И никого и не надо.

— Ладно, с братом согласна. Ошиблась. А в остальном вроде угадала.

— Странная ты, — говорю скорее с обидой, чем с упреком.

— И ты не хочешь заниматься со мной сексом?

— Размечталась, — хохотнул и резким движением пересадил ее к себе на колени.

Спустил платье с плеча.

Погладил грудь через тонкий лифчик. Уммм. Сосок затвердел мгновенно. Мне нравится такой отклик.

— Ты не против? — спрашиваю, спуская бретельку еще ниже.

— Не против чего? — жадно глотает воздух.

— Если мы начнем прямо здесь, — бросаю небрежно, но во рту пересыхает.

Светло-коричневые соски под полупрозрачной тканью.

Ни разу не было так.

Никогда еще не видел такого цвета. Чтобы каждая деталь — новая.

Чтобы не по шаблону. Не «как всегда».

С ней вообще всё не «как всегда».

И от этого внутри разгорается что-то опасное, животное, почти злое.

И мне это чертовски нравится.

Визуалы № 1

##А это территория визуалов. ##

Почти как в старых бумажных книгах, где между страницами неожиданно обнаруживались фотографии любимых героев.

Здесь можно внимательно рассмотреть персонажей, сверить их со своим воображением и освежить в памяти некоторые моменты истории. Планирую устраивать такие набеги картинок на тексты примерно раз в десять глав.

Если визуалы вам не интересны — смело пролистывайте дальше. Никаких экзаменов по внешности героев не будет.

А если нравится идея, поддержите книгу звёздочкой. Тогда я пойму, что визуалы нужны не только мне и моему внутреннему коллекционеру красивых кадров.

И погнали рассматривать фотки с выпускного...















Глава 8

Pov Сандра

Я стою напротив огромного зеркала в гостиной и смотрю на свое отражение. Испугана? Да, ну вряд ли.

Желание в глазах. Я умею понимать свои эмоции.

Я хочу.

Чувствовать руки Алекса Самойлова на своем теле. Слышать его дыхание.

Хочу, чтобы его вело от меня. Сталкивать его в бездну маленькими ударами и потом лететь следом.

Получить от этого вечера выпускников все, что можно.

А именно его.

Наесться этим горящим взглядом досыта. Так смотрят когда хотят. Отчаянно. До дрожи.

Когда не в силах сдерживать рвущиеся изнутри инстинкты.

Звериный взгляд. Бесконтрольный. Но мне не страшно.

Хочу. Руки и губы. Только на один раз. На эту странную ночь.

Кто там говорил, что после выпускного надо заниматься сексом?

Дотрагиваюсь пальцем до помады, которая почти стерлась с губ.

Вижу его в зеркале. Пытаюсь развернуться к нему, но он обнимает меня за талию и прижимает к себе спиной.

Второй рукой расстегивает молнию на платье. Простой жест. Костяшки пальцев задевают обнаженную спину.

— Посмотри, как ты прекрасна, — говорит медленно, словно растягивая слова.

Спускает платье с груди, обнажая кружево бюстгалтера.

И я не могу оторвать взгляд от его рук на моих плечах. Это красиво. Контраст его загорелой кожи и моей белоснежной.

Соски напрягаются, он видит.

Оставляет платье спущенным до талии. Проводит пальцами по груди. Через бюстгалтер гладит сосок.

Смотрит в зеркало прямо на меня.

В отражении — моя грудь, изгиб талии... и тонкие светлые полосы на коже. Память о прошлом необъятном теле.

Я кусаю губы. Не могу себя сдерживать. Хочу раздеть его. Впитаться губами в его плечи, господи. Да, хоть потрогать его.

Осознать, что это происходит в реальности, а не в больном сне.

Но взгляд всё равно цепляется за растяжки. Они словно кричат: *«Он увидит. Ты ему не понравишься»*. А он — нет. Смотрит так, словно их не существует.

Ладонь ложится на талию. Медленно скользит ниже. Без паузы. Без сомнений. Глаза темнеют — и в них нет оценки. Только желание. Только я.

— Хочу раздеть тебя, можно? — спрашивает хрипло.

Боже, ну что за вопросы. Ему сейчас все можно.

Ему... всегда... все... можно.

Не дождавшись ответа, спускает платье ниже, и оно падает на пол.

Он облизывает губы. Слежу за его лицом в зеркале.

Это гораздо красивее, чем я.

Совершенный. Глаза почти черные.

Руки стали свободнее. Перемещаться по моему телу. Они везде. Не уследишь даже.

Откидываюсь на него. Согласна на все. Прикрываю глаза.

Наклоняет голову ко мне, целует в щеку. Щекочет языком за ухом. Расстегивает бюстгальтер одним движением.

Трусики уже у моих ног.

— Открой глаза, хочу, чтобы ты видела то, что будет дальше.

Вздрагиваю. По телу проходит тремор. Открываю глаза и тут же хочу стыдливо прикрыть их.

Я стою в одних чулках перед зеркалом. А сзади мужчина в застегнутой на все пуговицы рубашке и брюках...

И это сводит с ума.

Стыд. Возмущение. Возбуждение. Власть. Инстинкты.

Подчиниться.

Голые инстинкты. Совершенно мне не свойственные.

Я всегда главная в постели. Знаю, что надо делать и как, чтобы кончить самой.

Но сейчас все не так.

Сейчас главный он. Мой командир.

Ах... И это заводит не по-детски.

Выгибаюсь в спине, когда он дотрагивается пальцами до моих бедер. Гладит. Нежно. Все ближе к тому месту, где уже влажно.

— Какая возбужденная, а я же еще даже не начал, — тихий шепот над ухом.

И пальцы, которые раскрывают складочки между моих ног.

Шумно выдыхаю.

Не начал он. И правда же не начал. А я уже почти кончила. Просто от вида в зеркале.

Оттого, что он сзади. Оттого, что я в его власти.

И не хочу ничего другого.

Я точно психотерапевт? Очень в этом сомневаюсь. Потому что всегда была уверена в том, что знаю, как люблю.

А вот не знала. Многого о себе не знала.

Люблю власть мужскую, оказывается.

Ой, бля-я-я-я-я-я.

До свиданья, мозг. Увидимся завтра.

— Алекс, — почти в полустоне шепчу его имя, когда движения внутри меня становятся более дерзкими.

Не свожу взгляд с его лица.

— Как ты прекрасна, — шепчет, утыкаясь мне в щеку. Хочу развернуться, накрыть его губы. Но он не дает.

— Готова? — спрашивает о чем-то.

Я не понимаю, о чём. А потом понимаю. Но уже поздно что-то понимать.

Потому что мир резко сужается до одного движения. До одного ритма, который захватывает меня быстрее, чем я успеваю вдохнуть.

Пальцы. Быстрые. Точные... там где надо.

Медленно, быстро. Медленно. Нежно... Грубо. Нежно. Быстрее.

Слишком быстро.

Внутри нарастает что-то горячее, плотное, как сжатая лава в вулкане. Она закручивается всё сильнее. Всё выше поднимается. Уже в животе. В груди. В горле.

Медленно. Медленно. Грубо. Нежно. Быстрее. Быстрее... еее.

Он чуть наклоняется, касается губами моей шеи. И я рассыпаюсь.

Волна накрывает резко. Меня буквально складывает пополам. Он удерживает за бедра, не даёт упасть. Всё тело напрягается до предела и тут же взрывается.

Я кричу.

Не тихо. Не прилично.
Настояще.

Меня трясёт. Я дёргаюсь в его руках, пытаюсь закрыться от этой силы — и не могу. Она идёт дальше, глубже, сильнее.

И он не останавливается.

Он ведёт меня по самому краю, не давая спрыгнуть. Пальцы продолжают двигаться — медленно, но настойчиво. И кажется, что за первой вспышкой уже поднимается вторая.

Это невозможно.

Это же просто пальцы.

Заткнись, Сандра. Не ори.

— Можешь кричать, мы в частном доме. Соседи не прибегут, — шепчет он, почти касаясь губами моего уха.

И это разрешение окончательно выбивает из меня остатки контроля.

Я выгибаюсь в его руках. Позволяю. Не сдерживаю.

Звук вырывается длинный, низкий, хриплый. Не крик — вой.

Потому что я так хочу. Протяжно.

Как волчица, которая заполучила вожака стаи.

Или это он заполучил ее?

Есть ли разница? Потому что мой мир никогда не будет прежним.

— По третьему кругу не пойдем, для тебя слишком, — говорит спокойно, поглаживая меня по бедрам. Животу.

Ноги не держат. Он держит. Руки — как якоря. А я — корабль в шторме, который не собирается искать тихую гавань.

Хочется упасть на пол. Не от слабости — от переизбытка. Слишком много света внутри. Слишком много огня.

Два оргазма сразу — как две вспышки молнии, ударившие в одно и то же место.

Без предупреждения. Без паузы. Просто от его пальцев. И от поцелуев в щеку... и за ухом.

Это почти несправедливо — что так можно. Что тело сдаётся от одного прикосновения, а сердце — от одного шёпота.

Не останавливайся только...

Потому что сегодня я не собираюсь быть разумной. Сегодня я не собираюсь спастись.

Сегодня я и есть шторм.

— Два ноль, дорогая. Я веду в счете, — шепчет мне на ухо, когда я начинаю возвращаться в своё тело.

Возвращаться — громко сказано. Мышцы все еще подрагивают. Остаточные спазмы.

Волна уже схлынула, но берег еще дрожит.

Дыхание выравнивается медленно, будто я поднимаюсь со дна.

— Это было охрененно, — говорю тихо. Целую его руку, которой он гладит меня по лицу.

— Согласен, ты охрененная.

Он даже не принимает комплимент — возвращает его мне, как будто по умолчанию знает, что центр здесь я.

Но это же бред. Я обычная.

А вот он что-то нереальное. Как так можно то вообще? Откуда он знал, что меня так торкнет это долбаное зеркало.

Откуда он мог знать, если я сама не знала?

Он смотрел на меня в отражении — и я видела себя его глазами.

И это оказалось опаснее любых прикосновений.

— И я бы хотел попробовать тебя на вкус, — говорит, проводя языком по моей щеке.

Ах.

Держите меня, пожалуйста.

— Я не против, — перехватываю его руку и разворачиваюсь лицом к нему.

Улыбается хитро. Какой же красивый. Ресницы просто на полщеки тень отбрасывают.

Тянусь к его рубашке, расстегиваю пуговицы. Вытаскиваю ее из брюк.

— Но сначала мы сравняем счет, — говорю за секунду до того, как расстегнуть ремень и дернуть брюки вниз.

— Тут ты меня не обойдешь, — хохотнул, но уже как-то сдавленно.

Потому что, я сжала руками толстый член. Головка уперлась в ладонь. Приятный на ощупь.

Посмотрим на вид. Опускаю его боксеры вниз. Он помогает. Стягивает их, кидает в сторону вместе с брюками.

Ну, черт. У него даже член идеальный. В меру длинный и толстый. Бархатистый на ощупь.

Мне, копец.

И даже не успев осознать весь масштаб катастрофы, я падаю перед ним на колени. Но прежде чем коснуться языком возбужденной головки, поворачиваю голову к зеркалу.

И новая волна возбуждения накрывает меня волной.

Это не про страсть. Не про желание.

Это про освобождение.

Голая, дерзкая, без объяснений. На коленях перед мужчиной.

Когда перестаешь быть «правильной», «разумной», «сдержанной». Когда тело говорит быстрее, чем мозг успевает возразить.

Шампанское? Конечно, шампанское. Очень удобно списывать на пузырьки то, что годами копилось под кожей.

Я всегда считала минет чем-то очень... личным что ли. Тем, что делают только близкому человеку.

И определенно после душа.

Но сегодня правила лежат где-то рядом с его одеждой — скомканные, забытые.

И мне удивительно спокойно от этого. Потому что никогда прежде я не получала такого удовольствия. Почти физического кайфа.

От матов, которые слышу над своей головой. От его сбитого дыхания. От слов «еще» и «языком... да, вот так». От того, как он схватил мой затылок и подтолкнул вперед.

Потом словно опомнился, отпустил. Но мне даже понравилось.

Я поняла, что надо чуть глубже.

И от этих мыслей внутри всё скрутилось в тугой узел, в котором нет ни стыда, ни сомнений.

Только «сейчас».

Только «здесь».

В зеркале — не «хорошая девочка». Не психотерапевт, который знает о людях все. Не разумная взрослая женщина. В зеркале — я, которая хочет. И не прячет это.

Женщина, которая берет в рот. У мужика с которым знакома пару часов. Будем честными, так и есть. Но ей фиолетово на это. Она кайфует от процесса.

Сама не заметила как, одной рукой начала ласкать себя.

Медленно, быстро. Медленно. Нежно... Грубо. Нежно. Быстрее.

Не могу остановиться. Быстрее. Горю. По-настоящему. Без аллегорий.

И вдруг понимаю — я не одна в этом адовом пекле.

Он заметил. Конечно заметил.
Резко поднял меня с колен и заглянул в глаза.
— Откуда ты такая охрененная взялась, а?
Я бы тоже хотела знать. Правда.
Мне кажется, я сама себя только сегодня встретила.
Ответа нет.
Есть только поцелуй — не красивый, не киношный. Настоящий. Слишком настоящий.
Глубокий.
И вот он-то и становится точкой невозврата.
Не потому, что «случилось что-то». А потому что внутри меня что-то окончательно сдвинулось.
Он хватает меня на руки.
Дальше — лестница.
Второй этаж. Наш смех вперемешку с учащенным дыханием. Шаги неровные, как будто мы оба немного пьяные. Не алкоголем. Друг другом.
Ощущение, что мы балансируем на грани. Между «слишком» и «плевать». Между «надо остановиться» и «да к чёрту всё».
Он оступается. На секунду.
Я замираю.
Но он удерживает — и меня, и ситуацию.
А потом снова целует. И снова.
А дальше — темнота.
Не пугающая.
Густая.
Тёплая.
Такая, в которой не нужно ничего объяснять. Ни себе, ни ему.
И в этой темноте уже неважно, что будет завтра. Какие будут разговоры. Какие последствия. Какие сложные взрослые выводы мне придется потом делать.
Потому что сейчас — я живая.
Не правильная. Не рациональная. Не умная.
Живая.
И он тоже.
Живой...

♥#####

Дорогие мои,

если тоже хотите побыть настоящим штормом — давайте устроим маленькое магическое безобразие

Поднимем волну популярности этой книги ##

Переходим сюда: <https://litnet.com/shrt/rX8F>

И нажимаем на ★ в белом кружке или на синий «мне нравится» — это занимает ровно секунду, а автору греет душу на несколько дней вперёд ##

Читаете в приложении?

Тыкните пальцем в экран — снизу всплывёт меню. Там слева вас уже ждёт та самая звёздочка ★, которая хочет быть нажатой.

И с чувством выполненного долга читаем дальше ##



Глава 9

Pov Сандра

Открываю глаза. Резко. Даже слишком резко. Тут же зажимаюсь от яркого света.

Прямо в огромном окне рядом с кроватью висит солнце. Зимнее питерское солнце.

Откуда только взялось?

Ладно, хрен с ним с солнцем.

Я одна. Я раздета. Полностью. На всякий случай заглянула под одеяло.

Полностью.

Тогда какого хрена я одна?

Прислушиваюсь к звукам. Тихо. Подозрительно. Я не привыкла к тишине загородного дома. В моей квартире с картонными стенами я всегда слышу кого-то из соседей.

А здесь тишина.

Откинула одеяло и встала с кровати. Заправила его по привычке.

Не выглядит, что я слишком стараюсь?

Снова осмотрелась по сторонам.

Моих вещей нет. Вся одежда, которая вчера была на мне, осталась на полу в гостиной. Значит ли это, что мне надо спуститься туда, в чем мать родила?

Не могу сдержать смех. Мне не слабо, если что.

Дошла до ванны. Помню, что она за этой дверью. Вчера мы в ней тоже...

Черт. Как будто током ударило от воспоминаний.

Да, да. Именно в этой ванной мы с ним вчера... Терли друг друга мочалочкой. Было хорошо. Очень хорошо. Было.

Умылась холодной водой. Почистила зубы пальцем. Если нет других вариантов, то так сойдет. Хотя надо записать себе в план положить в сумочку одноразовую зубную щетку. Кто меня знает, куда меня занесет в следующий раз.

Смешно.

И трусики бы туда запасные положить.

Снова смешно.

И грустно одновременно. Потому что такое со мной впервые. И больше никогда не повторится.

Ладно. Главное — теперь отсюда выбраться. Красная Шапочка, тебе пора убираться из этого леса.

Приняла душ, расчесала волосы пальцами. Намочила. Стало лучше. Будто так и надо. Надела на себя его махровый халат. Белоснежный. Длинный.

Как в дорогах гостиницах. Пушистый.

Укуталась им в три оборота.

Надо купить себе такой же. Или этот забрать? Раз уж моя одежда неизвестно где. Сяду в такси прямо в нем. Шикарное завершение такой ночи.

Вышла из комнаты босиком. По коридору до лестницы. Метров двадцать не меньше. Большой дом.

Вчера не оценила, но сейчас уже можно поцокать языком.

Мужской голос. Жесткий. Телефонный разговор.

— Какой срок?

— Без личного присутствия в этот раз. Я в Гонконг не полечу. Нет, — четко. Лаконично. Без всяких заигрываний.

— Условия вы знаете.

Заканчивает разговор и кладет трубку на стол.

Не кидает в сердцах. А спокойно кладет. Интересно. Он когда-нибудь выходит из себя?
Стоп. Убрали порцию восхищения.

Сосредоточились на главном. Найти одежду и сбежать.

— Доброе утро, — говорю, оказываясь на последней ступеньке.

Он разворачивается ко мне с довольной улыбкой. Осматривает с ног до головы.

— Твой вчерашний костюм мне нравился больше.

— Платье в смысле? — тупо переспрашиваю.

А он смотрит так, что мне хочется надеть на себя еще один халат.

И шубу. И еще что-то. Сверху. Слишком жадно. Похотливо даже. На меня так не смотрят.

Обычно.

— Не-а, тот в котором ты провела вечер и ночь в этом доме.

Рассмеялся, увидев мое растерянное лицо.

Фуф. Поняла. Покраснела. Я же вчера разделась через пять минут после того, как зашла на порог. И больше не одевалась.

Кассандра, ты считаешь, что это нормально?

А с поправкой на то, что мне не было стыдно? Ни капельки.

— Твоя одежда там, — показал рукой в сторону кресла.

Снова ухмыльнулся. Блин.

Кажется, что намеренно пытается меня смутить. Не выйдет.

Уверена в этом? Не-а.

Подхожу к креслу, беру в руки платье. Бюстгальтер, чулки. Не хватает одного...

— Я кое-что себе на память решил оставить.

Кусаю губы. Пытаюсь скрыть усмешку. Смущение?

Да, счас.

Я не зря вчера надела свои самые дорогие шелковые стринги.

Как знала, что пригодятся.

Скидываю халат. Надеваю платье на голое тело. А почему нет? Пальто сверху и никаких проблем.

Я же домой поеду.

Он молчит.

Но знаю, что наблюдает. Чувствую его взгляд. Прямо по коже движется. Разворачиваюсь, застегивая молнию на платье.

— Носить мои трусики будешь? — спрашиваю, пытаюсь смутить.

— Не-а. Это трофей. Должен же я пацанам доказать, что мне после выпускного перепало.

Серьезный голос и улыбка в голубых глазах.

Я расхохоталась в голос. Не могу себя сдержать.

Выпускной. Реально школьный выпускной.

И кому еще перепало-то, а? Александр?

— Считаешь, что это нормально?

— Ага. На настоящем выпускном у меня секса не было, пора восстановить справедливость.

— Верну в следующий раз, — говорит уже серьезнее.

Подходит ко мне. Вплотную. Не двигаюсь.

— Съездим позавтракаем? — вдруг говорит то, чего я вообще не ожидала.

— Я немного не одета для завтрака.

Он снова смотрит в вырез моего платья. Соски под тканью напрягаются. Просто от взгляда. От воспоминаний.

Стопе. Сандра.

План был в том, чтобы уйти.

А не в том, чтобы пойти по второму кругу. Или по десятому. Но кто вчера считал?

— Никто ничего не заметит. Знать буду только я, — усмехнулся снова.

Провел ладонью по попе, выше. К пояснице. Подтянул меня к себе.

— Соглашайся на завтрак. А после него обещаю десерт.

Ах.

Знаю я эти десерты. Тело, харе покрываться мурашками. Ты уже вчера должно было насытиться этими его сладкими комплиментами.

Хватит.

Держи себя в руках.

— Мне пора домой, — говорю.

Искренне пытаюсь сделать это твердым голосом. Получается? Да, не знаю.

— Вызову водителя, отвезет тебя, — отвечает также спокойно.

Не, ну, здрасте.

Вообще, его это не волнует, что ли?

Странный, ей-богу.

То десерты предлагает. То, вот тебе водитель.

Мог бы хоть сделать вид, что расстроен. Из-за того, что я не остаюсь.

Ну, не козел ли.

— Такси вызову, — отмахиваюсь от предложения.

Открываю свою сумочку, нахожу телефон. Пара кликов. И через десять минут подъедет серый нисан.

— Номер машины назови, иначе его не пропустят, — говорит спокойно.

Идет к кофемашине. Нажимает кнопки.

Диктую ему цифры. Включает громкую связь в своем телефоне. Передает эти цифры.

Что-то еще говорит. Пароли какие-то. Явки. Но мне плевать.

Другое волнует. То, как он спокоен.

Будто между нами ничего не произошло. Будто я его не отшила. Ему вообще на все плевать в жизни что ли?

Странный.

Не надо больше иметь с ним ничего общего.

Точно. Решила.

Провожает меня до двери. Подает пальто. Даже не обнял на прощание.

И не спросил номер телефона.

НЕ спросил.

А ты разве не этого хотела, Кассандра? Независимость. Дистанцию. Без обязательств.

Вот, пожалуйста. Получите, распишитесь.

Уже в такси набираю Вику. Прошу ее заехать ко мне. Сегодня. Одну.

Она обещает.

Потому что я не могу это держать в себе.

Во мне сейчас всё вперемежку: восторг, злость, самолюбие и идиотская обида.

Мне нужно срочно разложить это по полочкам. И желательно с бокалом в руке и подружкой, которая скажет:

— Ты вообще нормальная?

Потому что сама я уже не уверена.

♥#→###

Глава 10

Pov Сандра

Сажу на заднем сидении такси. Смотрю в запотевшее окно. Вокруг деревья, узкая дорога, частные дома с высокими заборами.

Раньше такая загородная жизнь в пределах города казалась для меня сказкой. А дом Алекса Самойлова — недостижимой мечтой.

И вот я снова уношусь мыслями в одиннадцатый класс. Столовая. Пластиковые подносы. Котлеты подозрительного происхождения. Мы с Викой сидим за столом, и она между делом рассказывает, как они с Даней занимались у него дома математикой.

Ага, математикой. Усмехнулась себе под нос.

Она рассказывает и немного смущается. А у меня внутри в этот момент разворачивается целая сказка.

Огромный дом. Гостиная. Кофе. Смех.

И мне так хочется хотя бы одним глазком заглянуть туда, где весело. Туда, где любовь. Где тепло. Так хочется, что на глазах появляются слезы. Болит все.

Я фантазировала о том, что Алекс тоже приглашает меня к ним. Мы едем на черном мерседесе с водителем мимо этих же деревьев. И потом он представляет меня отцу, как свою девушку. И тот меня принимает, как принял Вику. Сколько же раз я об этом мечтала.

Потерла глаза руками, стараясь убрать эти воспоминания.

И лучше бы я так не делала. Потому что на смену безобидным школьным фантазиями пришли другие. Те, которые от вчера.

Мозг, ты вообще соображаешь, что со мной делаешь?

Алекс Самойлов. Ресницы, улыбка. Пресс стальной. Мышцы, которые приятны и на ощупь, и на вкус.

Боже.

У меня и раньше были красавчики. В университете. Но я быстро поняла, что в постели такие мужчины обычно нули. Точнее уверены в собственной неотразимости и в том, что они ошастливят любую уже тем, что просто воткнул в нее свой член.

Но не этот.

Боже. Он просто выцеловывал каждый сантиметр тела. Изучал. Трогал. Искал точки. Проверял меня на прочность.

А прочности моей хватало ненадолго.

Боже. Сколько раз я уже упомянула создателя в сюе?

Но по-другому не могу. До сих пор возбуждаюсь, когда вспоминаю. Руки эти. То нежные, как перышки. То властные и жесткие, как тиски.

И все в нужный мне момент.

Но хорошего понемножку.

Правда, ведь? Вселенная, ты прям стараешься. Спасибо.

Пора возвращаться в реальную жизнь. Собралась. Собралась. Вернулась.

И снова — ух ты! Уплыла в фантазии.

Дошла до дома, открыла дверь и прислонилась к ней спиной. Не включаю свет.

Не снимаю пальто.

Еще минут через пятнадцать на автомате раздеваюсь. Умываюсь, чищу зубы. В этот раз нормальной зубной щеткой.

Снимаю платье. Кидаю его в корзину с грязным бельем.

Надеваю домашний костюм.

И тут настойчивый трель домофона.

Черт, черт, черт. Я же сама попросила подругу заехать. Хотела ей все рассказать. Покаяться, так сказать в грехах.

Грешна. Прошу простить.

И привязать меня к кровати, чтобы я снова к нему не поехала... Шучу. Но юмор у меня сегодня такой.

Хочется притвориться, что никого нет дома...

Но я собираю себя в кучу. И как только Вика заходит на порог, я хватаю ее за руку. Рассматриваю бриллиант на ее безымянном пальце. Со всех граней. Она смеется. Счастливая моя девочка.

— Прости, что отвлекла тебя от жениха, — осторожно говорю.

— Я перед ним ночью извинюсь, — хохотнула и даже слегка покраснела.

Блях, Вик.

Ты себе не представляешь, как я тебя сейчас понимаю. И как тебе НЕ завидую.

Провела ее до кухни, забрала у кофемашины чашку.

Поставила перед подругой.

Отвернулась, чтобы сделать себе. И прямо не поворачиваясь, начала говорить.

Такой странный способ защиты. Если вдруг передумаю рассказывать подробности, то всегда можно сказать, что ей послышалось.

— Я вчера сделала кое-что, что пока не могу осознать.

— Это как?

— После того как ты получила предложение руки и сердца, я уехала с этого праздника жизни.

Развернулась к ней, пока кофемашина начала бурлить. Вика наклонила голову в сторону, словно поощряя меня говорить.

— Не одна.

Подруга еще раз кивнула, словно говоря «и».

— С Алексом.

— Оууу, — произнесла Вика и прикрыла губы рукой.

— Пи-и-и, — одновременно с ней пропищала кофемашина, будто тоже осуждает меня.

Я подавила порыв пшикнуть не нее. Противная железка. Твое дело кофе мне варить, а не в мои душевные драмы влезать.

— Осуждаешь? — спросила я.

Не кофемашину, конечно.

Она уже высказалась: фыркнула, плеснула молока и демонстративно замолчала.

— Нет, конечно. Он же тебе нравился, почему бы и не попробовать.

Я резко замотала головой.

— Это единственный раз. Случайность. Космическая ошибка. Не знаю, фазы луны, ретроградный Меркурии. Больше не-е-е...

Вика посмотрела на меня с недоверием.

— Серьезно? Он не оправдал ожиданий?

Вот мы и подошли к самой скользкой части рассказа.

Мои ожидания, вообще-то, остались где-то в школьном коридоре: с рюкзаком, брекетами и мечтами, что он когда-нибудь заметит меня.

А вчерашняя ночь...

Она была совсем из другой лиги.

Потому что он оказался нереальным. Тёплым, уверенным. Нежным ровно настолько, чтобы потом позволить себе быть грубым.

И как будто читал мои мысли быстрее, чем я успевала их сформулировать.

— Ммм, судя по паузе, ожидания не просто оправдались. Они оплатили ипотеку и остались у тебя жить, — сказала Вика.

И кофемашина прыснула паром в мою сторону.

Зараза.

— И почему ты тогда считаешь все это ошибкой?

И вот как мне ответить на этот вопрос?

Как сказать, что я не могу быть рядом с таким мужчиной. Он же. Ну, это же Алекс Самойлов. Бог.

Такой современный Зевс, только без тоги и молний. Зато с голубыми глазами, белоснежной улыбкой и руками, которые одновременно могут поднять штангу... и аккуратно убрать прядь волос с моего лица.

И, что особенно обидно, он ещё и охеренный любовник.

Глазами этими своими голубыми-голубыми смотрит — и всё.

Внутри сразу короткое замыкание.

Вот где вселенская несправедливость?

И такой охеренный любовник. Я кажется, это уже говорила.

Нет, я тоже знаю себе цену. Я привлекательная, рассудительная, даже умная в отношениях с мужчинами. Не ревнивая от слова совсем. Потому что я знаю природу ревности и отвергаю ее на корню. Мечта, а не женщина.

Но тут, нет. С ним я другая. Похотливая, неуверенная в себе... Маленькая девочка, которая хочет дорогую игрушку. Ту самую, что родителям не по карману.

А значит — не надо так. Не надо хотеть то, что изначально не для тебя.

Потому что потом можно сильно пострадать. В душевном смысле.

А терапия, между прочим, нынче дорожает и дорожает.

— Потому что он это просто красивая упаковка. Кроме внешности, я не вижу в нем больше ничего хорошего, — говорю строго в сторону подруги и кофемашины одновременно.

А уверена ли я в своих словах?

Потому что даже сегодняшний утренний разговор. Ни о чём, по сути. Но он был... потрясающим.

— Думаю, что он тоже уже забыл обо всём, — добавляю, как будто логически завершаю мысль.

Как будто ставлю точку.

— На самом деле так считаешь?

Я аж дернулась от Викиного голоса. Слишком глубоко уплыла в своих фантазиях. Не могу пока выгрести. Надо на работу что ли съездить. Чтобы переключиться. Из своих больных переживаний на чужие.

— Это же Алекс. У него каждый день может быть новая.

Вика помотала головой.

— На самом деле Даня говорил, что это не так. Алекс вообще не сторонник одноразовых связей. У него всегда были постоянные девушки. С прошлой он вроде почти два года встречался. Даже кольцо ей покупал.

Я сглотнула.

— Помнишь, Даня рассказывал, что он в Сочи планировал предложение делать. Кстати, я ее видела. Красивая очень блондинка.

Ну, конечно.

Красивая. Блондинка. Что же не удержала-то такого постоянного жениха?

— Эх, такого кавалера упустила из-за этого вашего Сочи, — пытаюсь пошутить.

— Да, Сочи во многом виноват, я тоже так считаю, — поддержала меня Вика.

И улыбнулась.

— Но я серьезно. Алекс ищет серьезные отношения, он не такой каким ты его считаешь.

— Я, вообще-то, психотерапевт и разбираюсь в людях.

— Хреновый ты психотерапевт, скажу я тебе...

Я почему-то захохотала. Истерическим смехом. Не сильно здоровым.

Не знаю. Сама не понимаю. Что вообще случилось со мной вчера? Здравый смысл растворился в пузырьках шампанского.

Этот псевдовыпускной. Воспоминания. Эта ваша романтика с предложением руки и сердца. Все в одну кучу. Ну, сорвалась я. Самую малость... Или не малость. Раз десять, кажется, за ночь сорвалась. В пропасть...

— Что у вас тогда произошло на выпускном? — осторожно спросила Вика.

— Ты знаешь, — фыркнула я.

— Я знаю только то, что он отказался с тобой танцевать. Но не знаю, как это было...

Я театрально вздохнула.

— Ну, не совсем отказался... и не совсем танцевать.

Он танцевал со мной двадцать секунд.

А потом сделал то, после чего я возненавидела саму себя...

♥#####

Глава 11

Ров Сандра

Вика впирается в меня изумленным взглядом. А я вдруг понимаю. Сейчас можно либо закатыть глаза, либо рассказать правду. И превратить это в комедию про собственное безумие.

А я... я склоняюсь к комедии. Потому что иначе меня съест совесть.

— В школе я была немного толще, чем сейчас. Ты помнишь, — начала я совсем издалека.

Вика кивнула. И грустно улыбнулась.

— Но меня это не парило. В нашей семье все полноватые. Ты видела моих родителей. И для меня с детства это было нормой. Я даже не задумывалась над тем, что я как-то не подхожу под каноны красоты.

Правда не задумывалась. Я росла в мире, где тётки обсуждали пироги, а не калории. Где бабушка считала худобу признаком нервной жизни. А мама всегда говорила: *«Главное — чтобы человек был хороший»*.

В моём детстве вообще не было этой истерии про «идеальное тело».

У меня даже поклонники были...

Хорошие ребята. Такие... уютные.

Но мне всё время хотелось этого. Недоступного. Нереального.

— А Алекс был типичным школьным богом, ну ты тоже помнишь.

Вика прыснула с хохоту. Потом встала со стула и подошла к моей кофемашине. Насыпала кофе, проверила молоко. Нажала кнопку.

— Ну да, почти богом... — протянула она.

Потому что это правда был отдельный биологический вид. Те самые парни, вокруг которых воздух чуть плотнее. Учителя делают вид, что строже с ними, но на самом деле — мягче. Девочки начинают поправлять волосы, когда он проходит мимо.

Алекс был из этой категории.

Вика обернулась ко мне с чашкой в руках.

— И ты в него влюбилась?

— Фактически сразу, как увидела. Он же к нам в десятом классе пришел. И когда Тюшка его представила на первом уроке, я натурально забыла, как дышать.

— Я даже не подозревала, — снова грустно сказала Вика.

Ну, дорогая. Я тебя, конечно, люблю.

Но титул королевы Внимательности тебе явно не светит.

— Не суть. До выпускного он был для меня, как витрина с тортами: смотри — пожалуйста, трогать — нельзя. Я знала о нем все, а он наверняка даже не знал, как меня зовут.

Нет, мне не жаль себя.

Это нормально. Это жизнь.

Кто-то играет в высшей лиге. А кто-то сидит на скамейке запасных и делает вид, что ему и оттуда неплохо видно поле.

— Но почему-то на выпускном я решила, что либо сейчас, либо никогда. Набралась храбрости.

— И-и-и-и

— Ahhhhhh? — вторит ей эта долбаная кофемашинка.

— Я пригласила его на танец и прямо во время этого долбанного медляка рассказала о своих чувствах, — сказала и сама поморщилась.

Вика скопировала мое выражение.

— И он... прочитал мне лекцию.

— Лекцию?

— Да. Спокойно, уверенно.
Я изобразила его голос:

— *«Понимаешь, мужчины устроены иначе. Нам нравятся красивые девушки, стройные. Чтобы было приятно смотреть и трогать. А ты... Ну, это природа. Ничего личного...»*

— Господи, во-от козел. Ты его не убила?

— Я кивала. Даже улыбалась. Потому что, знаешь. Когда тебе семнадцать и тебя только что аккуратно раздавили — ты ведешь себя вежливо.

Вика хотела что-то сказать. Но я ее перебила.

Потому что если я сейчас остановлюсь — я уже не продолжу. Знаю себя. Спрячусь обратно в свою красивую коробочку «я сильная, мне всё равно». Захлопну крышку и буду сидеть там, как приличная девочка.

А раз уж полезла копаться... То давай честно. До конца. С мясом.

— А потом он поймал меня уже в коридоре, — замолчала.

Странно. Я ведь это проговаривала. На терапии. Часами. Разбирали по косточкам, по эмоциям. По детским травмам, по самооценке. Психолог кивала, я кивала, мы вроде как торжественно закрыли этот чертов ящик. Поставили печать: «переработано».

Ага. Конечно.

Даже говорить неприятно. Будто снова стою в том коридоре. Семнадцать лет. Платье необъятное. Сердце колотится как бешеное.

— Он меня зажал и поцеловал. И мне тогда показалось, что вот оно. Меня заметили...

— Это был мой первый поцелуй в жизни. А первый поцелуй должен быть не таким, знаешь ли.

Я снова прикусила губу. Да. Он уже в семнадцать целовал так, как будто душу вытряхивал. Порочно. Не ласково ни разу. Без всяких там нежностей, без «можно?». Без романтики из девичьих фильмов. Так целуют, когда знают, что умеют. И знают, что на них ведутся.

Да, я понимала, что он был пьян. От него несло алкоголем, будто он весь вечер целовался с бутылкой. Но в тот момент мне было плевать.

Плевать.

Потому что он выбрал меня. А это, между прочим, школьный бог. Каждая девчонка в том зале мечтала, чтобы он ее вот так — за руку, в коридор, к стене...

Но он выбрал меня.

И мне казалось — я выиграла какой-то дикий, невозможный лотерейный билет.

— И-и-и? — подала голос Вика.

Я даже вздрогнула. Блин, эти долбанные воспоминания стали слишком живыми. Не могу справиться.

— Потом он меня резко оттолкнул и сказал, что он столько не выпьет, чтобы спать с такой коровой, как я.

— Бля-я-я, — выругалась моя всегда культурная Вика.

И не мне ее осуждать.

— Значит, вчера ты переспала с мужчиной, который когда-то сказал тебе, что он тебя не хочет.

Я снова кивнула.

— Похоже, он изменил мнение...

Секунда. Две. И мы одновременно расхохотались. Громко. Неприлично. Почти истерически.

Потому что это реально смешно. Если бы не так грустно. Или всё-таки смешно.

Кофемашина, а ты что думаешь?

Наверно все таки смешно. Если не вспоминать, как семнадцатилетняя я тогда стояла у стены и очень старалась не заплакать.

Но именно в тот вечер я всё для себя решила.

Тогда, в том дурацком школьном коридоре, с размазанной тушью, я дала себе клятву.

Похудею. Стану красивой. Не просто «ничего так». Нет. По канонам.

Такой, чтобы талия — как на картинках. Ноги — бесконечные. Волосы — идеально. Чтобы платье садилось, как будто его шили прямо на мне.

Чтобы ни один мужчина... *ни один*... не мог сказать мне, что он «столько не выпьет».

Никогда.

Чтобы это уже я выбирала. С кем идти на свидание. С кем не идти. И не только на свидание.

И где-то там, в глубине этой подростковой злости, всегда жила одна маленькая сцена. Мы случайно встречаемся через много лет. Я прохожу мимо. А он смотрит. И понимает, кого тогда упустил. Но я уже не останавливаюсь.

...Забавно, конечно.

Мы всё-таки встретились.

Вот только мимо я почему-то пройти не смогла. Ну, как уж есть...

Через час я проводила подругу до двери парадной. Зашла в магазин за заварным пирожным и вернулась домой.

Осталась одна. Квартира сразу притихла. Даже стены, кажется, решили не лезть с комментариями.

Поставила пирожное в холодильник.

Включила воду. Набрала ванную. Щедро плеснула пены.

Много. Настолько много, чтобы спрятаться от реальности хотя бы по уши. Если уж разбираться с жизнью, то красиво. С пузырьками и ароматом «что-то про лаванду и принятие себя».

Залезла в воду. Горячо. Тихо. Никто не читает лекций.

Пена поднимается, как облака.

А что если вся моя жизнь — это один длинный путь от «улыбаться, когда больно» до «лежать в ванной и честно признаваться себе, что мне не всё равно».

Вода обнимает лучше любого мужчины. И мысли, как назло, всплывают одна за другой.

Восемь лет назад я стояла перед ним в платье необъятного размера. И верила, что если быть достаточно смелой, мир обязательно ответит взаимностью.

А мир тогда ответил пощечиной.

И вот теперь...

Теперь этот самый мир, с лёгкой щетиной и совсем другим взглядом, оказался в моей постели.

Без теорий. Без объяснений. Без «ты не мой тип».

Пена тихо лопалась, будто аплодировала моим мыслям.

А я лежала и понимала: вчерашняя ночь была не про него.

Она была про меня.

Про ту девочку с медляка, которую он наконец-то на самом деле выбрал...

И которая пошла в лес — до конца... И, честно говоря, совершенно об этом не жалеет.



Глава 12

Ров Алекс

Выехал из дома в обед. Всю ночь сидел над этим дебильным проектом, который надо было закончить еще в октябре. А мне его принесли в конце ноября. С такими заказчиками иначе и не бывает.

Это не те люди, которым отказывают. И не те, кто подстраивается под дедлайны — под них подстраиваются. Я, конечно, не жалею. Деньги не пахнут. А такие — ещё и не задают лишних вопросов.

Но вот бессонные ночи — очень даже. И, судя по отражению в зеркале, начинают вонять прямо в лицо. Может, пластику сделать? Глаза приподнять. Морщины стереть. Совесть заодно удалить.

Шучу.

Хотя... мысли какие-то больные сегодня.

Как и фантазии.

Про мою демоницу.

Без латексного костюма — к черту реквизит.

Зато с алыми губами. Такими, от которых мозг сразу уходит в отпуск.

Ммм.

Хотя, если честно, дело вообще не в помаде. А в женщине, которая знает, как её носить.

И зачем.

Бля...

Соскучился. Не просто «давно не виделись», а так — что в паху тянет и мысли становятся неприлично живыми.

Пора заявить о себе. Громко. Нагло. Лично.

Навестить девушку прямо на рабочем месте.

Я дал ей достаточно времени на подумать. Женщины после таких ночей любят устроить себе внутренний суд. Обвинитель, прокурор, присяжные — всё в одном лице. Начинают раскладывать по полочкам: «зачем», «почему», «как я могла».

Пусть.

Три дня — нормальный срок. Чтобы выдохнуть.

А теперь пора.

Не знаю, как ей. А мне пора трахать по ночам не только дебильные проекты. А еще и потрясающую женщину. На которой меня, похоже, не хило так клинануло.

Но пока не анализируем.

Доехали с водителем до офиса в центре. Покружились по узким улочкам — как по лабиринту. Места для парковки. Не нашли. Снега насыпало столько, что не то что мест не осталось. А уже непонятно, где сугроб, а где чья-то тачка, похороненная до весны.

Если копнёшь не там. Потом будешь долго объяснять, почему отковырял бампер у чужого «мерседеса».

В итоге он высадил меня у офиса, а сам поехал кататься. Я прошел пару шагов по узкой тропе. Поскользнулся пару раз.

И наконец открыл дверь в старинный особняк. И тут же попал в фильм про шпионов. Темные стены, белый свет. Двери. Блестящая лестница.

Достал из кармана паспорт. Показал его охраннику на входе.

Он посмотрел на меня строго. Бородатый. Брутальный. С кобурой на поясе. И при этом... в шапочке Деда Мороза.

Я едва не хмыкнул. Контраст — моё почтение.

И пока он изучал мой документ, я огляделся по сторонам. Я ведь первый раз в офисе брата. Не на шутку тут на безопасности загноились.

С умом много что сделано.

Даже камеры под потолком так незаметно спрятаны рядом со светильниками.

— К кому? — жесткий голос.

Перевожу взгляд на Деда Мороза за стеклом.

— К Даниилу Самойлову, — отвечаю сквозь зубы.

Да ладно? Еще общите меня.

Секреты я пришёл ваши математические воровать.

Прямо сплю и вижу — как выношу формулы под курткой.

На кой они мне сдались вообще?

— Вас нет в списке.

— Плохих или хороших детей? — почему-то хохотнул я.

Сам от себя не ожидал. Наверное, всё из-за этого колпака. Потому что образ доброго Деда Мороза вообще никак не вяжется с мужиком, у которого на поясе пистолет.

Причём так — уверенно висит. Не для красоты.

Он тоже почему-то улыбнулся.

Краем губ. Поправил свою шапку — как будто это часть формы — и набрал номер.

— Даниил Юрьевич, к вам гость. Александр Самойлов, — прочитал мое имя по паспорту.

Кивнул в трубку. Поджал губы. Положил телефон на место.

— Шеф сказал, что понятия не имеет, кто вы. И разрешил вас пристрелить, — произнес в мою сторону на полном серьезе.

Даже не улыбнулся. Учат их этому что ли?

А мой младший брат? Умнейший человек в мире. Быть серьезным? Не-а, не слышал. Не завозили еще.

— Да, пошутил он, проходите, — Дед Мороз протягивает мне паспорт и открывает турникет.

Пшикаю. Сплошные сложности.

Надо было сказать, что к Вике. Гарантирую — прошёл бы быстрее.

— Четвертый этаж, лифт справа, — кричит мне все тот же Дед Мороз, пока я иду по лестнице.

Не-а. Мне пешком интереснее.

Мне надо ремонт рассмотреть. Это почти рефлекс. Глаза сами цепляются за мелочи: стыки, углы, свет, проходы. Подмечаю, что сделал бы иначе. Где расширил бы, где упростил. Где убрал бы лишнее.

Я это люблю. Это моя работа.

Делать дома и офисы не просто красивыми, а такими, чтобы в них хотелось находиться.

Чтобы пространство не раздражало, а работало на человека.

Как хорошая женщина — не бросается в глаза сразу. Но без неё всё сразу как-то не так.

— Чем обязан инспекции старшего брата на мое рабочее место? — спрашивает Даня, встречая меня у лестницы.

Интересно, откуда он узнал, что я пойду пешком? Хотя...

— Дело есть одно, — говорю, обнимая его.

Он ведет меня в свой кабинет. Прохожусь по пространству взглядом.

Выключатель висит неудобно. Рука тянется не туда.

Свет падает на экран под неправильным углом — глаза устают, даже если сам этого не замечаешь. Стол бы сдвинуть. Буквально на полметра — и жить станет легче.

В остальном — миленько. Функционально. Без лишних понтов.

— Психолог ваш нужен штатный, — говорю твердо.

— Кто?

— Брюнетка стройная, у вас работает психотерапевтом или психологом.

— Что? — почему-то начинает улыбаться брат.

Смотрю на него недоуменным взглядом.

— Алекс, у нас нет психолога в штате. Хотя идея хорошая, согласен. Готов над этим подумать.

— Мне твоя будущая жена ее так представила, — словно оправдываюсь за свою глупость.

Почему-то тогда мне это показалось очень логичным. Да и зачем Вике врать?

Даня поднимает палец вверх, как бы, прося меня перестать, думать.

Набирает номер.

— Не занята? Можешь ко мне подняться по... кадровому вопросу.

Кладет трубку. Смотрит на меня и почему-то ржет.

Вика появляется на пороге через минуту.

Смотрит на меня, потом на брата.

— Алекс ищет нашего штатного психолога. Не хочешь пояснить?

Вот вроде говорит серьезно. А сам кусает губы, чтобы не смеяться.

— Понятия не имею о чем он, — отвечает Вика.

И смотрит исключительно на него. Будто меня тут и вовсе нет.

И я снова чувствую это странное притяжение между ними. Ни с чем не спутать. Если они рядом, то должны быть близко. Сидеть на одном стуле. Держаться за руки. Трогать друг друга.

Это странная тяга даже бесит.

Потому что завидно.

Бля.

Снова.

— Ты меня с девушкой знакомила, Сандрой на вашем псевдовыпускном.

— А, Сандрой, — хохотнула она и снова отвернулась к Дане.

— С Кассандрой в смысле? — уточнил Даня.

Я кивнул, и Вика кивнула.

— А, понял. Так, она у нас уже не работает. Я ее уволил позавчера, — сказал твердо и даже палец вверх приподнял, подтверждая свои слова.

— Хреновый она психолог, найди себе другого для лечения своих детских комплексов, — дополнил свои слова.

Вика закрыла лицо руками и почему-то затряслась от смеха.

Даня обнял ее и прижал к себе. Погладил по голове — привычно, нежно, без показухи.

— Я тут один ни хрена не понимаю, похоже. Что во всем этом смешного?

Глава 13

Ров Алекс

Вика вздохнула и повернулась ко мне. Даня, провел рукой по ее спине. Задержался на пояснице. Мило.

Бесячно.

Но для них наверно мило.

— Помнишь, с нами в школе училась очень полненькая девушка с таким залиvistым смехом? — начал Даня.

И снова прижал Вику к себе, будто без этого рассказ не работает. Без тактильного соприкосновения, видимо, сюжет не складывается.

Я киваю.

Бля, разумеется, я её помню.

Некоторые вещи вообще не забываются. Особенно если однажды повёл себя как последний мудака.

Но вслух этого, конечно, никто не услышит.

— И? — подталкиваю я брата.

Вика почему-то смотрит на меня недовольным взглядом.

— Белова Кассандра, — медленно произносит она.

Даже слишком медленно.

Как будто объявляет приговор.

А я смотрю на неё с таким лицом, что мне бы «Оскар» сразу выдать. Без номинаций. Просто за вклад в искусство.

Брови вверх. Пауза. Пустой взгляд.

Мол, не понимаю, о чём речь.

Мозг буксует. Точнее, очень старательно изображает буксование. И почти не врет. Потому что я узнал ее не по имени... И не по внешности, разумеется.

Я все понял в тот момент, когда она засмеялась.

Тот же смех.

Только теперь без неловкости. Без попытки спрятаться. Громкий, живой, заразительный.

И меня, с*ка, просто накрыло.

Потому что одно дело — помнить какую-то девчонку из школы. И совсем другое — когда перед тобой стоит она. Неральная. Обалденная. Такая, что половина мужиков в зале готова подавиться слюной.

И это, честно говоря, п*дец.

Алые губы. Чёткие. Наглые. Такие, что мозг моментально рисует картинки, о которых нормальные люди при знакомстве вообще не думают.

Я сначала даже не понял, что именно меня так цепануло. Потом дошло.

Тело.

Не просто красивое. А проработанное. Каждая мышца. Годы спортзала. Упрямство. Дисциплина. Тонкая талия, руки, бедра. Без глянцевого кукольности и пластики.

Настоящая. Непохожая ни на кого.

И меня повело. Прямо по-мужски. Тупо. Без вариантов.

И знал же, что не надо лезть.

Не подходи. Вообще.

Сиди тихо. Жри свой стейк. И не лезь в чужую жизнь.

Но нет.

Конечно же, нет.

Потому что где-то внутри меня живёт упрямый мудак. И этот мудак вдруг завопил, что ее нельзя упустить. И сразу после этого мой здравый смысл аккуратно пошел нахер. И туда же направилось чувство вины, неловкость и остатки совести.

А мозг, который утек в штаны, придумал самое идиотское и одновременно самое удобное решение.

Сделать вид, что мы незнакомы.

Как будто не было той хреновой школьной драмы. И моего феерического долбоебизма на выпускном.

Типа взрослый мужик. Спокойно подошёл, познакомился, поговорил. Без прошлого. Без косяков.

С чистого листа.

На тот момент это казалось почти гениальной идеей.

А потом уже было поздно в чём-то признаваться. Потому что когда ты влезаешь в такую историю — назад дороги обычно уже нет.

И наверно я слишком выразительно завис со всеми этими мыслями на лице, потому что Даня облегченно вздохнул.

— Дошло вроде, слава богу.

— И зачем был этот цирк? — обращаюсь уже к Вике.

Она поджимает губы, и все еще улыбается. Как человек, который знает, что виноват, но ни капли не жалеет.

— Ты же ее не узнал.

— А как ее вообще можно было узнать? — в сердцах выкрикнул я.

Получилось даже немного пискляво, но мне плевать.

— Я узнал, — пожал плечами брат.

— Ты не помогаешь, — рявкнул я.

— А ты о помощи не просил, — невинно оправдывается мой младший.

И всё ещё ржёт.

Козёл. Маленький, умный, счастливый козёл.

Я глубоко выдыхаю. Считаю до трёх. Не помогает.

— Ладно, где я могу ее найти. Телефон бы или адрес.

Вика отрицательно машет головой. Даня снова пожимает плечами, как будто от него ничего не зависит.

— Она не хочет тебя видеть, если честно, — говорит Вика.

Опаньки. Приехали.

В смысле?

Как после такой ночи меня можно не хотеть видеть?

Судя по всему, вопросы загораются прямо у меня в глазах, как новогодняя гирлянда. Потому что Вика продолжает говорить, даже не дожидаясь, пока я сформулирую хоть один.

— Она закрыла свой гештальт с тобой и пошла дальше.

— А что ты подразумеваешь под «гештальтом»? — тут же влезает мой неугомонный младший брат.

Вика смотрит на него ТАКИМ взглядом, что он аж ахает. Делает шаг назад, изображает кисейную барышню, облакачивается на стол и начинает обмахиваться папкой как веером.

— Ой, всё... — шепчет он, изображая полуобмороч.

— Че? — так и не найдя подходящих слов возмущения, спрашиваю я.

— Алекс, ты ей нравился в школе. Ты на неё внимания не обращал. А теперь обратил, — продолжает Вика, методично забивая гвозди. В мой гроб.

— На этом вся история.

— Ты сейчас прикалываешься, что ли?

— А ты бы хотел продолжения?

— Ясен хрен, хотел! — взрываюсь я. — На кой я вообще к вам приперся в этот грёбанный снегопад? Полюбоваться на твой офис? Я пришёл её увидеть, если что!

Вика издаёт что-то среднее между мурчанием и довольным мычанием. Наклоняет голову вбок. Смотрит так масляно, что мне самому хочется растечься под этим взглядом лужей.

Как снеговика под апрельским солнцем.

— Подожди-ка. Твоя подруга соблазнила моего брата и послала его ко всем чертям после этого? — как бы уточняет Дания.

Ни хрена он не уточняет. Он всё давно понял. Просто грех не постебаться.

Такого шикарного повода у него ещё не было.

Меня никогда не бросали. Вообще. Даже в начальной школе.

— Не злись на нее? — муркнула Вика.

Клянусь, если они сейчас начнут целоваться, я пойду домой через окно. С четвертого этажа прямо в сугроб. Достали...

— Да, наоборот. Моему братцу уже давно пора по кумполу постучать, — хохотнул он и чмокнул ее в нос.

Я закрываю глаза. Медленно выдыхаю.

Вот за что мне это, а?

— Так, я понял. Вы все рады, что меня отшили. Нормально, ожидаемо. Телефон-то ее дайте, — говорю максимально спокойно.

Вика качает головой.

— Она на тебя злится.

И снова. Опаньки. Это с какого, простите, перепугу?

Что именно ей не понравилось — хотелось бы уточнить для протокола.

Когда в двух оргазмах подряд складывалась в моих руках?

Или когда чуть не кончила, когда мой член языком насиловала?

Или, когда...

Стоп. Тормоз для воспоминаний. Иначе моего интереса к этой девушке уже не скроешь под брюками.

— Ты правда не помнишь, что у вас было на выпускном в школе? — смотрит на меня хитрым взглядом.

— На настоящем выпускном я был бухой настолько, что даже не понимал, с кем и о чем говорю, — почти ору я.

Вика смотрит удивленно. А брат снова кивает.

— Я тебе рассказывал, что у него тогда был тяжелый период.

— Ага, брат вешаться собирался, потому что его некая девочка кинула, — прошипел почти.

Не могу сдержаться.

Все проблемы, оказывается, из-за этого. Вот кто во всем виноват.

И в том, что я теперь спать в своем доме не могу. Потому что он весь пропах безумным сексом с охрененной любовницей.

Даже не отследил, что Вика развернулась лицом к брату и погладила его по щеке.

— Данечка, мой, прости меня, — прошептала.

Он поймал ртом ее руку. Облизал палец.

— Так, всё, — резко вмешиваюсь.

— Хватит его жалеть. Я, между прочим, новая жертва вашего расставания.

Теперь по регламенту жалеть надо меня.

Пытаюсь пошутить.

Выходит хреново.

Потому что ни черта не смешно.

А эти двое смотрят друг на друга так, будто меня в комнате вообще нет. Как будто я тут — лишний предмет интерьера. Тумбочка. Или фикус. Стою, листьями шуршу, а смысл моего существования никого особо не волнует.

Ясно.

Ни хрена мне здесь не узнать. Вообще ни хренасеньки.

Разворачиваюсь. Два шага к двери.

— Алекс, ты был пьян, но ты ведь все помнишь? И ты ее сразу узнал? — кидает мне Вика вопрос прямо в спину.

А кажется, что кинула нож. Небольшой, но прямо под лопатку. Воткнулся. Больно.

Разворачиваюсь медленно. А она смотрит на меня не моргая.

Умная. Зараза. Только прикидывается такой милашкой. На самом деле, хрен, что от нее скроешь.

Молчу. А она улыбается. И говорит, будто бы между делом.

— Она ходит в Майнд-фитнес на Петроградке к восьми по вторникам, четвергам и субботам.

Ну, наконец-то. Хоть какой-то толк от этой моей экскурсии.

Мне как раз срочно надо позаниматься... А уж мотивация у меня теперь — железобетонная.

Глава 14

Ров Алекс

Тачка остановилась у входа в клуб, я выскочил на улицу. Почти вприпрыжку пробежал до администратора. Гостевой браслет уже готов. Когда ты знаешь кому звонить, все в жизни делается очень быстро.

— Александр Юрьевич, приятно встретится с вами лично, — управляющий здоровается со мной за руку.

Молодец, парень. Приветствуешь — вроде бы формально, но внутри видно, что про меня доложили.

Быстро переодеваюсь, спускаюсь в тренажерку, останавливаюсь у турникетов. Быстрый сканер.

Нашел. Уперся в нее взглядом. Приседает с весом.

Ещё бы. Такую попу просто так не сделаешь. Это не удача и не генетика — это дисциплина, пот и упрямство. Много приседаний. Очень много.

А я ведь помню. Ту девчонку в растянутой толстовке. Круглые щёки, лишние килограммы, этот неловкий смех, когда кто-то случайно обращал на неё внимание.

А сейчас...

Сейчас передо мной стоит женщина, которая буквально вылепила себя заново.

Каждая линия тела — результат. Каждый изгиб — часы, проведенные в зале. Каждое движение — упрямство, которое однажды победило всё остальное.

Любуюсь. Открыто. И мне плевать, как это выглядит со стороны.

Ну потому что реально красотка. И дело, как вы понимаете, даже не во внешности. В упорстве. В умении сделать себя. Вложиться по полной и получить такой офигенный результат.

Именно такой, от которого у половины этого зала уже топорщатся брюки в правильном месте.

Она заканчивает подход. Медленно выпрямляется. Подергивает плечом. Чувствует, что на нее смотрят.

Но делает вид, что не замечает. Как бы не так.

Я подхожу ближе. Голос звучит ровно, почти профессионально:

— Ты не совсем правильно делаешь это упражнение.

Она замирает на секунду. Я знаю этот момент. Момент, когда человек решает — игнорировать или развернуться в твою сторону.

Она выбирает второе.

Вскидывает голову.

Сдувает со лба выбившийся из конского хвоста локон — жест нервный, но красивый.

Смотрит прямо на меня.

— Ты у нас и в этом эксперт?

— А в чём ещё ты считаешь меня экспертом? — протягиваю с ленивой ухмылкой.

Молчит.

— О, неужели ты снова о сексе? — облизываюсь почти демонстративно.

Взгляд цепляется за грудь — дыхание у нее сбилось, грудная клетка поднимается чаще. Контроль — штука относительная.

Она краснеет. Совсем чуть-чуть. Но я вижу.

Вытягивается в полный рост. Относит гирию на место. Идет к тренажерам на бедра.

Таким, на которых надо раздвигать ноги под ритмичную музыку. Ну, ладно, музыка необязательна. Но ноги раздвигать надо.

Я провожаю взглядом. Растяжка неплохая. Техника терпимая. Вес — смех.

Маловато. Так себя жалеют те, кто-либо не знает, на что способен, либо боится.
Подхожу. Останавливаю тренажёр. Молча добавляю десять килограмм.

— Вот так попробуй. У тебя почти нет сопротивления, а значит, и толку, — говорю спокойно.

— Ты претендуешь на роль моего тренера?

Приподнимаю брови. А у тебя есть тренер? И кто же, интересно.

Надеюсь, что девушка. Потому что мужика прибью.

Ответ приходит сам. Бородатый качок материализуется сбоку. Наклоняется к ней, целует в щёку — собственнически, показательно.

— Этот парень тебе мешает? — косится на меня.

Ну здравствуй. Нашёлся.

— Да, претендует на твоё место, — отвечает она честно.

Так тебе, Алекс. Получай по наглой физиономии.

Разбирайся с моим качком-тренером.

Ну что же. Мне не впервой.

— Приседает неправильно твоя ученица, — говорю спокойно, — следи за этим. А то чревато проблемами по-женски.

— Я разберусь без советов, — шипит в мою сторону качок.

Пожимаю плечами, иду в сторону выхода.

Уйду? Да, как бы не так.

Она меня слишком плохо знает.

Да, я немного долбанутый. Пусть думают, что я просто богатый придурок. А что обычно делают такие, как я? Правильно. Идут жаловаться мамочке.

Через пару минут вместе со мной в зал спускается управляющий и намеренно громко говорит.

— Александр Юрьевич, простите нашего сотрудника за грубость, мы проведем с ним беседу.

Правильно. Четко и громко. Так чтобы и парень, и его ученица слышали.

Молодец.

Мысленно вешаю ему звездочку на грудь.

Серебряную.

С возможностью апгрейда до премии.

— И квалификацию его проверьте, а то он девушке здоровье угробит. Детей потом рожать не сможет, — также громко говорю я.

И физически чувствую, как у бородача напрягается спина. А она впивается в меня взглядом.

Посылаю ей воздушный поцелуй. Медленно. Нагло.

Да, дорогая. Меня это волнует. С недавних пор.

Потому что, возможно, тебе придется рожать моих детей. И подпортить здоровье неправильными тренировками, я не дам.

Управляющий идет в сторону бородача, а она ко мне.

— И с каких же пор ты у нас Александр Юрьевич? — спрашивает строго.

Этот голос...

Он не про любопытство.

Он про наезд.

— А ты как думала меня зовут? Алекс-придурок? Или, может, Алекс-красавчик?

Жду улыбку. Не дожидаясь.

Ну, что за манеры? Я, вообще-то, шутить тут пытаюсь.

— Он здесь уже пять лет работает.

— А у меня есть привилегии в фитнес-клубах, — говорю твердо.

Не хвастаясь. Просто констатирую факт. У меня во многих местах есть привилегии, но ей пока об этом знать необязательно.

— И если я говорю, что вес маленький — он маленький.

Пауза.

— А если я говорю, что тебе нельзя так приседать — значит, нельзя.

Еще пауза. Напряжение между нами — как трос. Натянутый. Звонящий.

— А ты, похоже, привык, что тебе все можно? — тихо спрашивает она.

Вот.

Вот теперь интересно. Я чуть наклоняюсь ближе. Нарушаю дистанцию. Осознанно.

— Нет. Я привык, что я отвечаю за то, что мне важно.

Подхожу к штанге и поднимаю её над головой. Легко. Как будто это не упражнение, а продолжение разговора.

Мышцы под майкой напряжены, кожа ощущает каждое сокращение.

И её взгляд — тоже ощущается кожей.

Она смотрит прямо на мой торс. Уперлась глазами. Так же, как я минуту назад смотрел на неё.

Я давно это заметил: женщины любят бросать косые взгляды именно в такие моменты.

Когда тело работает, а не позирует. Когда есть сила, движение и контроль. Почему — хрен знает. Но эффект неизменен. Всегда работает.

— И с чем же связаны твои... привилегии? — уточняет она, не поднимая глаз.

— С тем, что я красивый, наверное.

Она фыркает. Но взгляд от моей груди так и не отводит.

— Красивых тут много, — наконец бросает она.

— А таких, как я, нет, — шепчу.

Выпрямляюсь и добавляю уже деловым тоном:

— Если хочешь поставить технику тренировок — обращайся.

— Спасибо, у меня есть тренер, — отрезает она.

— Уже нет. Его отстранили от тренировок с тобой, — улыбаясь краем губ.

Она резко вскидывает голову. В них — возмущение, злость... и что-то ещё. Очень живое.

Возможно, она как раз сейчас рассуждает о том, может ли женщина грязно материться.

И решает, что не может.

Но я на сегодня свое дело сделал. Пристраиваю штангу на место. Разворачиваюсь и иду в сторону турникетов, не оборачиваясь на нее.

Сегодня не до тренировки.

Слишком много отвлекающих факторов.

Она догоняет меня уже у выхода.

Быстро. Решительно.

Ладонь ложится на электронный считыватель, перекрывая доступ к открытию двери. Будто этим жестом она может остановить не только электронику... но и меня.

Смотрю на неё сверху вниз.

— Как ты посмел? — говорит просто.

— Не злись. Все, что ни делается, все к лучшему. Зато теперь я в полном твоём расстройстве.

Наклонился ближе. Так, чтобы следующие слова слышала только она.

— Причём не только для спортивных тренировок. Любые активности. Ты только скажи.

Она не отступила. Только прищурилась.

— Зачем тебе это? Как ты вообще узнал, что я хожу в этот зал.

— Угадал.

— Вика проболталась, — говорит тихо.

Потом замолкает. Будто пытаются втиснуть меня в какой-то «правильный» шаблон.

Ха. Фиаско.

— Алекс, все, что произошло было ошибкой. Давай на этом закончим, пожалуйста.

— Не-а. Я бы еще пару раз так ошибся. Мне понравилось, — не смог быть серьезным.

Правда, не могу. Удивительная она.

И нереально желанная. В этом топе спортивном, который грудь подчеркивает. В легинсах, которые задницу облепили.

С хвостом на голове. Который, как бы предназначен, чтобы ничего не мешало во время...

Блях, Алекс. Тормози. Что с тобой вообще такое?

— Ты теперь будешь везде в моей жизни? — спрашивает спокойно, выводя меня из мира фантазий.

Хороший вопрос. Правильный. Я осторожно взял её руку. Убрал ее от экрана турникета.

Поднес браслет. Дверь открылась.

Я вышел, сделал шаг — и только потом обернулся.

— Ты всё верно понимаешь.

Она поморщилась. Едва заметно.

— И кстати, тебе еще не звонили из клиники? Завтра. Девять утра. У тебя очень интересный клиент.

Она прикрыла глаза.

На секунду.

А я хотел сказать ещё что-то.

Много чего хотел. И не только сказать.

Но промолчал.

Не всё сразу.

Постепенно.

Пусть девочка узнаёт меня шаг за шагом.

Глава 15

Ров Алекс

Петроградка всегда действует на меня странно. Слишком много интеллигентных фасадов. Слишком мало парковок.

И ощущение, что если свернешь не туда — окажешься на квартирнике с виолончелью и экзистенциальным кризисом.

— Тебя ждать или могу позавтракать сгонять? — спрашивает водитель.

Я прикидываю в уме: час консультация, ещё минут пятнадцать — на то, чтобы с ней поспорить. Это если без сюрпризов. А сюрпризы я, как правило, люблю.

— Часа полтора у тебя есть, — отвечаю.

Он хмыкает — то ли довольно, то ли не очень. По понедельникам я обычно не встаю раньше одиннадцати. Значит, и он тоже. Сегодня ему пришлось подняться в семь. Мне — в восемь. Зевнули почти синхронно.

Но ни слова против он не сказал. Хотя морду, конечно, скорчил — недовольную, как положено. Логично. Ноль осуждения.

Хороший водитель. Под меня подстраивается, но и о себе не забывает. Такой баланс меня полностью устраивает. Не люблю, когда передо мной стелются.

Я ему не хозяин. Любая работа ценна.

А если совсем честно — я считаю его своим личным ангелом-хранителем. Я машину водить не могу, он — может. И кто из нас круче?

Выхожу на улицу, прохожу метров десять до ступеней, нажимаю на звоночек. Две секунды — короткий писк, и дверь открывается.

Девушка за стойкой посмотрела с интересом. Таким... профессионально-непрофессиональным.

Даже не смогла попросить меня надеть бахилы. Ну, как это обычно бывает в поликлини

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.